

Сычёв П.Н.

Вся жизнь - оверштаг

П. Н. Сычёв

Вся жизнь – оверштаг

«Издательские решения»

Сычѐв П. Н.

Вся жизнь – оверштаг / П. Н. Сычѐв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831449-0

1664—1670 гг. Карибское море. Новый Свет, открытый Христофором Колумбом. Что там было на самом деле? Вольные флибустьеры и буканьеры. Равнодушные к чужой жизни плантаторы, противостояние интересов европейских монархов и изворотливость губернаторов, преследующих свои цели.

ISBN 978-5-44-831449-0

© Сычѐв П. Н.
© Издательские решения

Содержание

Кливер поднят, – за всё уплачено ¹	6
Атлантика	13
Антильские острова	24
Антигуа	27
Сент-Джонс	34
Карибское море	41
Дуэль	43
Санто-Доминго	47
Ямайка	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Вся жизнь – оверштаг

П. Н. Сычёв

© П. Н. Сычёв, 2016

ISBN 978-5-4483-1449-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1664—1670 гг. Карибское море. Новый Свет, открытый Христофором Колумбом. Что там было на самом деле? Вольные флибустьеры и буканьеры. Равнодушные к чужой жизни плантаторы, противостояние интересов европейских монархов и изворотливость губернаторов, преследующих свои цели. Морская соль, въевшаяся в обшивку бортов, воспалённые от бессонных ночей глаза вахтенных...

Воеет ветер в снастях тяжёлого галеона, с гулким плеском врывается форштевень в океанскую волну, рвётся с гафеля чёрный флаг. Легко ли быть пиратом и оставаться человеком? Кто-то всю жизнь дрейфует по течению, а кто-то поднимает паруса и поворачивает против ветра. И для таких, неутомимых вся жизнь превращается в сплошной оверштаг.

*Ловите ветер всеми парусами!
К чему гадать, любой корабль – враг!
Удача – миф, но эту веру сами,
Мы создали, поднявши чёрный флаг!*
(В.С.Высоцкий)

Кливер поднят, – за всё уплачено¹

Узкие улочки Плимута, словно ручейки, стекались на одну широкую, мощённую булыжником дорогу, которая разделяла город на две противоположности: жилые кварталы, и порт с его доками, верфями, разбросанными по всей длине побережья. Возле деревянных причалов покачивались десятки маломерок: баркасы, промысловые боты и люгеры. Осанисто, в стороне, на большой воде, стояли торговые корабли. Фрегаты и флейты занимали самый дальний район рейда, словно неся сторожевую вахту на входе в бухту, по широкой глади которой сновали лёгкие люгеры и прогулочные лодки. Рядом с деревянными пирсами было людно. Прямо с пришвартованных люгеров бойко шла торговля свежей рыбой. Шаркая по камням подошвами, два матроса с торгового корабля, тащили на плечах скатанный в длинный рулон парус.

Возле таверны «Фалмут», – стоял средних лет человек в ботфортах и старом офицерском плаще, который скрывал под собою небогатый моряцкий наряд.

Его звали Нэрт. Капитан Нэрт до недавнего времени. Он был опытным моряком, много лет отдавшим королевскому флоту, знающий, что такое абордаж и бортовые залпы противника не понаслышке. В Лоустофском сражении, в котором английский флот разгромил голландцев, его фрегат шёл в авангарде. Нэрт взял на абордаж пятидесяти пушечный «Марс». И мог рассчитывать на соответствующие почести, и награду. Но, злой рок распорядился иначе. Нэрт, сам того не желая, обзавёлся личным врагом в Комитете Лордов – Заседателей Адмиралтейства. И его карьера пошла ко дну, выражаясь морским языком. Его лишили капитанского звания и списали на берег. Положение в обществе для бывшего капитана, теперь определялось только качеством и чистотой одежды.

Нэрт докурил трубку и меланхолично выбил из неё пепел, постучав по ботфорту. Взгляд рассеянно скользил по бесконечному лесу качающихся мачт. В ноздри, будоража душу моряка, пробирался запах смолы, дёгтя и морской соли. В сознании капитана ещё монотонным эхом отзывались слова канцелярского чиновника из адмиралтейства: «... запрещается впредь служить в королевском флоте... Лишить звания и привилегий...» И это тогда, когда Англия нуждается в толковых капитанах, моряках, впитавших морскую соль с юношеских лет! На стапелях королевских верфей закладываются кили трёхпалубных линейных кораблей, а чья-то чёрная неприязнь торжествует и злорадствует в тишине кабинетов, загубив карьеру одного из лучших капитанов королевского флота.

Нэрт поправил шляпу, надвинув её на глаза и, проведя ладонью левой руки по эфесу своей верной сабли, толкнул дверь таверны. Все места были заняты. В прокуренном, спёртом воздухе таверны было шумно, здесь одновременно ругались и пели, кричали и спорили.

Возле ближайшего стола началась потасовка между моряками. Из отрывистых фраз можно было заключить, что здесь сошлись матросы двух промысловых люгеров. И когда Нэрт проходил мимо, там уже хватили друг друга за отвороты парусиновых курток. Затем стол опрокинулся, и общий шум таверны дополнился звуками крепких ударов.

Матросы молотили друг друга с остервенелой злостью, и Нэрту стоило непосильных трудов, вырваться из этой свалки, прокладывая себе дорогу кулаками. Следом за ним ринулся здоровенный матрос, замахнувшись для удара тяжёлой лавкой, но вдруг резко отпрянул назад. С его лица исчезло выражение дурной злобы, сменившись замешательством. Нэрт быстро обернулся, проследившая взгляд моряка, и понял, что произошло.

Сзади него за длинным столом, стоял человек, ростом шесть футов и семь дюймов. В кожаной безрукавке, надетой на холщёвую рубаху. Но не внушительный рост и размах плеч остановил драчуна. Он держал в руке пистолет, и этот ствол был нацелен в лоб матросу.

¹ Старинная поговорка, означающая, что после поднятия кливера, уже невозможно вернуться в порт для расчёта по долгам.

Нэрт с облегчением перевёл дух. Он узнал старого боевого товарища Джолли Дика, равных которому в физической силе, наверное, не было в Европе. С самого начала Дик попал в канониры. Тогда ещё молодой, бесшабашный парень, он жонглировал пушечными ядрами, веселя просоленных морем стариков. За что и получил своё прозвище – Джолли.

Дик, одно время служил на фрегате у Нэрта, и тот, оценив молодецкие качества силача, перевёл его с оружейной палубы в абордажную команду. Фрегат после этого, ничего не потерял в артиллерийской мощи, а при абордаже он как таран шёл впереди всех, размахивая двумя тесаками, расшвыривая врагов во все стороны. Нэрт выхлопотал для Джолли Дика чин младшего офицера третьего класса, что для человека низкого происхождения было весьма перспективно. Дик занял место командира абордажного взвода и получил соответствующие привилегии.

Нэрт перебрался через стол и встал рядом с Диком.

– Моё почтение, капитан! – Дик убрал пистолет.

– Приветствую, старина, спасибо за поддержку, от этого удара мне было не увернуться.

– В своё время, капитан, вы дали мне понять, что человек чести не вымысел, и за то время, что мы с вами ходили под парусами, я понял, что за такого человека, как вы, я убью кого угодно.

– Прекрасные слова, Джолли, но давай лучше сменим обстановку, посидим в другом месте, где можно нормально поговорить.

Драка в таверне уже закончилась, несколько человек лежали на полу, корчась от боли, остальные куда-то расползлись и уже тянули разбитыми губами дешёвый эль.

Нэрт и его бывший офицер выбрались на улочку. Вспоминая знакомых, они пошли искать уютное местечко. Этим местечком оказалась таверна «Роял Чарльз», в ней было чисто, здесь собирались шкипера, боцманы, корабельные плотники и парусные мастера.

Как только товарищи уселись за стол, заказав свежего эля, к ним разухабистой моряцкой походкой подошёл средних лет кряжистый моряк с пышными прокуренными усами.

Нэрт узнал своего старого боцмана, с которым когда-то начинал службу на флоте.

– Моё почтение, капитан.

Дик и боцман были знакомы, поэтому просто пожали друг другу руки.

Нэрт отхлебнул эля и, внимательно осмотрев товарищей, пояснил:

– Теперь уже не капитан.

– Ого! Адмирал? – Дик не мог удержаться от улыбки, хотя понял, что в жизни капитана что-то произошло.

Мэт промолчал, он вообще не отличался многословием, казалось, весь его словарный запас – это команды и экзотические ругательства.

Нэрт коротко объяснил положение своих дел. Боцман хмыкнул и сочувственно покачал головой. Дик просто оторопел от услышанного.

– Ну, дела! Выгнать с флота такого капитана! Да они там с реи все дружно упали, что ли? У нас ведь война с голландцами!

Нэрт смотрел в кружку с элем, не слушая товарищей. Сейчас он почувствовал себя на грани чего-то нового, что-то либо должно произойти, либо вся его жизнь делает крутой оверштаг, и необходимо понять, каким курсом придётся идти дальше.

Посмотрев на своих товарищей, Нэрт спросил:

– Кто ещё из наших, старых товарищей остался за бортом?

Дик немного подумав, переспросил, что Нэрт имеет в виду, потому что он сейчас не чувствует себя за бортом жизни, так как совсем недавно покинул королевский флот и занялся весьма прибыльным делом на берегу, пусть и сомнительного характера, но тем не менее не напрягается от работы.

Мэт, нахмутив лоб, назвал Диксона, толкового канонира, который сейчас так же в порту, но он всё ещё на службе, как и сам Мэт.

– А, вот вроде бы Дон Педро опять ходил, психовал, – припомнил Дик, – ни с кем не может ужиться. Да! Чёрт меня подери, его же тоже списали на берег! Правда, он пьяный был, и я толком ничего не понял.

Нэрт казалось, смотрел сквозь Дика, в голове, путаясь, мелькали мысли, образы, было нестерпимо гадко на душе и горько от безнадёжного положения. Джолли внимательно следил за своим бывшим капитаном и терпеливо ждал, что будет дальше. Он помнил, как Нэрт всегда принимает, казалось бы, бредовые решения, помнил этот отстранённый взгляд и ждал, что последует дальше.

Нэрт на секунду опустил взгляд и, покачав в руке кружку, спросил:

– А что, Джолли? Ты пошёл бы со мной на авантюру? Я не могу обещать тебе горы золота, я не Господь Бог, не обещаю сладкой жизни и прочих радостей, зато могу точно пообещать свист свинца, морской ветер и, – Нэрт внимательно посмотрел в глаза Дику, – перспективу виселицы.

Дик, неторопливо отпил из кружки и многозначительно посмотрел на Мэта, потом перевёл взгляд на Нэрта и задумался.

Нэрт не торопился, он тоже плотнул эля и достал кисет с табаком. Все дружно стали набивать трубки, словно вдруг вспомнили, что сегодня ещё не курили.

– Интересно, – Дик уминал в трубке табак, – не думал услышать от тебя такое, а я примерно догадываюсь, о чём ты.

– Правильно догадываешься, но я никого не тащу на рею обещаниями богатства, у меня просто нет сейчас иного выхода, я капитан! И умирать я хочу не на берегу, а на палубе.

Дик раскурил трубку и, задумавшись, изучал Нэрта. Мэт молча пытал своим забористым табаком, о чём-то соображая, что-то прикидывая в уме.

– Нэрт, – Дик пустил перед собой несколько колец из дыма, – ты можешь нам доверять, и мы знаем тебя достаточно хорошо. Выкладывай, что решил.

Нэрт медлил, никаких особо сформированных планов у него ещё не было. Но он уже нашёл друзей и теперь определял приоритеты дальнейших действий.

– Давайте сделаем так. Мне сегодня нужно всё обдумать, а завтра мы встретимся снова здесь, да захватите с собой Дона Педро, если найдёте, и Диксона.

Допив эль, Нэрт распрощался с товарищами и отправился в порт. Там он пристально и внимательно изучил все корабли, находящиеся на рейде. Один корабль его заинтересовал.

Это была очень старая посудина, ровесники этого корабля давно уже сгорели или украсили собой морское дно, но эта развалина ещё держалась на плаву. Поинтересовавшись хозяином судна, Нэрт узнал, что принадлежит он коммерсанту средней руки Джону Флину. Капитана, как и команды, на корабле нет, так как на такой развалине никому в море идти не хотелось. Дела у хозяина шли не очень, но даже продать свою плавучую собственность он не мог – не было желающих её купить. Но, тем не менее, это был корабль – на плаву и вполне пригодный для одного плавания и одного абордажа.

Найдя контору Джона Флина, Нэрт критически осмотрел свой наряд, ещё с минуту решал что-то про себя и, наконец, собравшись с мыслями, толкнул дверь и вошёл в холл.

Джон Флин, уже не молодой и достаточно опытный в торговых делах коммерсант, принял Нэрта в своём кабинете:

– Если вы по поводу задолженности по аренде, то смею вас заверить, уже на следующей неделе я смогу рассчитаться с долгами.

Флин осёкся и, более внимательно осмотрев стоявшего перед ним Нэрта, несколько смутившись, пояснил:

– Прошу прощения, меня смутил ваш плащ, я подумал, вы из портового управления.

– Нет. Я к вам по делу. У вас имеется старый корабль, однако вы его совсем не используете. Я понимаю почему. Мало кому захочется рисковать своей жизнью, попадая в шторм на такой посудине. Однако мы с вами можем помочь друг другу. – Нэрт сделал паузу, в течение которой Джон Флин не проронил ни слова.

– До недавнего времени я был капитаном королевского флота. Теперь я – никто. Я не представляю себя без моря, без корабля. Поэтому готов пойти капитаном даже на развалину. Лишь бы она могла идти по ветру. На вашем корабле вполне можно ходить вдоль побережья. Если у вас есть что возить, я готов вести ваш корабль.

Джон Флин имеющий старый корабль, но не имеющий возможности его как-то использовать, не спешил доверяться незнамо откуда появившемуся человеку. Он пообещал обдумать предложение Нэрта.

На следующий день за одним столом в таверне собрались пять моряков: Нэрт, Джолли Дик, Мэт, Диксон и Дон Педро. Нэрт выложил перед товарищами свой план, упомянув, что необходимо ещё собрать толковых людей в команду и найти оружие. Вся компания активно дымила трубками, потягивая эль.

– Из каких людей тебе нужна команда, Нэрт, – спросил Дон Педро, – ну, я имею в виду, отребье разное, или каторжников каких?

Нэрт возмущённо поднял руки, выражая полный протест.

– Нет, Дон! Никаких каторжников! Мне нужна команда, которая пойдёт за мной в пекло, да к тому же такая, чтобы я за каждого человека врагам глотки рвал, чтобы это были мои матросы!

Дик хлопнул ладонью по столу:

– Вот, за что я тебя уважаю, Нэрт, так это за твоё отношение к команде, хотя и не только за это.

Мэт и Диксон обменялись многозначительными взглядами, и Диксон, побряхтев, ответил за двоих:

– Мы с Мэтом тут тоже обмозговали всё, оно, конечно, служба есть служба, исполняй свои обязанности и радуйся, но, – Диксон снова взглянул на боцмана, как бы заручаясь его поддержкой, – я не знаю, почему всё так происходит, но мы решили идти с тобой.

– Да, Нэрт, если бы кто другой был, но это, – Мэт замялся, подыскивая слова, – в общем, мы тебя знаем, и ты наш капитан.

Нэрт повернулся к Дону, который не отрываясь цедил эль из кружки, с видом будто ничего особенного не происходит.

– Так что ты решил, Дон?

– Сложно найти толковых людей. Но я думаю, тебе хочется иметь команду моряков из военного флота?

– Да.

– Хм, я и говорю – сложно. Но можно. Мэт, у тебя есть кто на примете?

Боцман нахмурил густые брови, почесал макушку, хмыкнул и, глядя на свою трубку, загадочно произнёс:

– А я вообще могу половину команды увести с линейного корабля. Там такой капитан, да и все офицеры такие же, гниды. Мордуют команду, словно им делать больше нечего. На рейде или в море постоянные порки, ни дня без плетей или палок. Если матросам предложить выбираться, они все у тебя на борту будут. Но всех я брать не советую, сам понимаешь, у каждого в башке свой морской узел, могу человек тридцать привести, может чуть больше.

– Отлично, Мэт. Просто превосходно! – Нэрт повеселел.

Дон Педро закатил глаза в потолок и, криво ухмыльнувшись как бы кому-то там наверху, произнёс:

– Сколько у меня было капитанов, хотя, возможно, я привередлив! Но только один из них сумел завоевать моё уважение и доверие. Как у тебя, Нэрт, с вакансиями на должность штурмана?

Нэрт хлопнул по плечу старого приятеля, и рассмеялся:

– На твою должность, старина, у меня никого кроме тебя нет, так что, если не забыл наши приключения в Африканских водах, добро пожаловать на борт.

– Хе-хе, Нэрт, – рассмеялся Дон, – я видел этот борт в порту, но, тем не менее, нам хватит на первое время, я видал и похуже.

– Остаётся найти оружие. – Нэрт, прищурился, осмотрел компанию, есть у кого на примете какие варианты? Мэт, может быть, у тебя можно, чем разжиться?

Боцман отрицательно покачал головой.

– Сожалею, Нэрт, оружейный склад в ведении офицеров, а уходить с корабля с боем у меня нет желания – слишком много шума.

– Да, шум нам здесь не к чему.

– С оружием я могу помочь, – подал голос Дик, – я ведь говорил, что у меня здесь кое какие дела.

– Контрабанда?

– Нет. Просто дела, но могу похлопотать. Встретил я тут своего друга по босоному детству. Помог он мне очень, а потом предложил помогать ему в делах, я, как бы сказать, у него в роли посредника, встречаюсь с разными людьми, а среди них имеются и влиятельные личности, так что по части оружия, я думаю, можно договориться.

– Хорошо. Но людей нужно хотя бы сотню, поищите ещё толковых парней, только таких, чтобы мне не было стыдно ими командовать.

Дон Педро отодвинул от себя пустую кружку:

– А может быть, рому? Что мы сидим тут, как кумушки, тянем эту кислятину? Мы такое дело начинаем, а чем его обмываем? Эй! Трактирщик! – Дон помахал рукой:

– Рому сюда!

Моряки оживились, Дик наскоро допил свой эль и с невинной улыбкой школяра постучал пустой кружкой по столу.

Когда Мэт сообщил Нэрту о том, что общими усилиями им удалось набрать девяносто шесть человек, а Дик нашёл оружие, капитан отправился к Джону Флину. Тот любезно принял капитана, судача о бойкой торговле, партнёрах и поставщиках. Расписывал, как необходим сейчас корабль, ибо без него как без рук, а теперь, теперь всё наладится, дела пойдут в гору и т. д.

Видимо, Флин навёл справки о Нэрте. И, поняв, что судьба привела к нему настоящего, а самое главное уже легендарного капитана, решил, что это – шанс, который нельзя упускать. Пусть бывший капитан королевского флота, но это капитан, авторитет, за которым пойдут в море и который знает, как навести порядок на корабле. Поэтому все необходимые судовые документы были выправлены, и корабль приготовили к рейсу за восемь дней. Груз пеньки и парусины ожидали на верфях Ливерпуля.

Старая посуда, важно и не торопливо отвалила в свой последний путь, оставляя на берегу находящегося в неведении Джона Флина.

Выйдя в море, скрипящая всем такелажем развалина, которую уважающий себя моряк уже не назвал бы кораблём, взяла курс на Испанию. Из трюма на палубу поднимались тюки с абордажными саблями, тесаками, пистолетами и мушкетами, команда сноровисто проверяла оружие, сортируя пороховницы, пыжи и пули. Вдоль фальшборта устанавливались дополнительные деревянные щиты, дабы поднять общую высоту фальшборта, позволяя укрыть от сто-

ронного наблюдателя присутствие укрывшихся там людей. Корабль был построен как грузовое судно, округлое и неповоротливое, вместительное, и этим нужно было воспользоваться. На реях навешивались дополнительные канаты, заведённые к основанию мачт, их предполагалось использовать, как верёвочные качели, для заброски абордажников на ванты вражеского корабля.

Побережье Испании встретило старый английский корабль трёхбалльным ветром и моросью. На всех парусах, с поднятыми английскими флагами старая лоханка нагло бороздила испанские воды. Расчёт был таков, чтобы испанцы, французские корсары или алжирские пираты, промысляющие в этих водах, заметив этот торговый корабль, кинулись его грабить, надеясь на лёгкую добычу. Только на третий день, марсовые заметили на горизонте парус, и палуба превратилась в оживлённый муравейник.

Матросы ложились на палубу вдоль фальшборта, укрываясь в тени надстроек. На виду осталось ровно столько команды, сколько необходимо для управления парусами.

На чужом корабле тоже заметили паруса английского торговца и уже меняли курс, разворачиваясь для сближения.

Нэрт, стоя на шканцах, наблюдал за манёврами противника, рядом с ним, сосредоточенные и готовые к предстоящему бою, стояли Джолли Дик и Дон Педро.

– Между Испанией и Англией сейчас нет войны. Но, мы с вами прекрасно знаем, что в море писанные законы не имеют значения, когда есть возможность проверить трюмы купца! Идём галфвинд, даём ему подойти, затем меняем курс, и уходим под ветер в бакштаг. Испанцу нужно дать явное преимущество. Когда он подойдёт на пять кабельтовых, ложимся в фордевинд, я хочу дать испанцу полный ветер в паруса, чтобы он набросился на нас, как баклан на пеленгаса, и не использовал пушки.

– Поверит? – спросил на всякий случай Дик, разминая затёкшие плечи.

– Куда он денется? Наше корыто для него не представляет опасности, может быть, пальнёт пару раз для остротки, а потом пойдёт на абордаж. – Нэрт улыбнулся так, что молчаливого Дона Педро передёрнуло, а Дик засмеялся, предвкушая добрую драку.

– Мэт! – голос Нэрта металлическими нотками понёсся по палубам, словно подхваченный ветром:

– К развороту! Ложимся на другой галс!

Боцман помчался по шканцам, выкрикивая команды, и матросы бросились к брасам, разворачивать реи. Старая посуда хлопая парусами, нехотя начала разворот. Испанский галеон, а теперь уже было видно, что это прекрасный военный корабль, прибавил парусов, распустив blind и, ринулся в атаку. Расстояние быстро сокращалось.

Несколько ядер всё же пронеслось над палубой, дырив паруса. Но видимо испанский капитан, правильно оценил ходовые качества старой развалины, и галеон шёл на сближение, заходя правым бортом для абордажа. По команде боцмана лопнул подрезанный шкот на гроте, и полотнище паруса безропотно хлопало по воздуху. Судно заметно сбавило ход, и испанский галеон навалился с левого борта суровой громадой такелажа. Испанцы, словно осы, облепили весь борт и ванты своего галеона, готовые посыпаться на палубу английского корабля. Но из тени фальшборта старой развалины поднялись ряды матросов с мушкетами, и в густую массу испанцев, нависших на вантах, грянул залп свинца. Абордажные крючья полетели с обеих сторон, и море спокойно приняло в свои объятия убитых и раненых.

Дик повёл свою абордажную команду в атаку и, первым перемахнув через фальшборт, устроил там побоище, размахивая абордажной саблей. От него шарахались и свои и чужие.

Так как в пылу битвы, Джолли Дик просто косил всё живое вокруг себя и дико хекал при каждом ударе. Испанцы не ожидали такого подвоха в своих водах. Солдаты дрались, но матросы разбежались, пытаясь спрятаться за спины мушкетёров. Нэрт, перемахнув через планшир, вёл за собой всех, кто не попал в первую атаковую волну, англичане шли на абордаж, чтобы

более не возвращаться на палубу старого корабля. Осознание этого придавало людям дополнительные силы, они шли завоёвывать свой новый дом, новый корабль, назад пути не было. Однако испанцы, оттеснённые на палубу своего галеона, оказывали упорное сопротивление. В число команды входило немало старых опытных солдат, привыкших воевать с детских лет, они стойко держались. Раненые и умирающие, они пытались достать своих врагов кинжалами или попросту, намертво хватаясь за одежду, волоочась по палубе. Бой был жестоким, кровь разливалась по палубам галеона, словно на бойне. Разряженные в первые минуты мушкеты и пистолы уже никто не перезаряжал, люди катались по палубам кровавыми клубками, протыкая друг друга отточенными клинками и пиками. Убитые на верхней палубе падали в люки и скатывались по крутым трапам на опер-дек, внося в общую свалку ещё больше сумятицы.

Тишина накатила звенящей волной нереальности, отрезвляя людей. Мёртвые испанцы лежали повсюду. Словно очнувшись от наваждения, англичане бродили по захваченному кораблю, ещё не имея сил разговаривать, сжимая в заочневших руках оружие и не до конца веря в победу.

Захваченный галеон оказался прекрасным кораблём, недавно спущенным на воду, снаряжённый для длительного плавания. Судно имело водоизмещение примерно 1000 тонн и располагало сорока орудиями на двух нижних палубах и двенадцатью пушками меньших калибров на главной палубе.

Отделка капитанской каюты поражала роскошью, впрочем, для всех моряков знакомство с новым кораблём было приятным сюрпризом. Дон Педро первым вынырнул из трюма с бутылками испанского вина, радостно возвещая о находке. Мэту пока было не до пирушки. Он принимал хозяйство, сноровисто заглядывая во все закоулки, то и дело покрикивая на матросов. Диксон уже сновал по орудийным палубам, осматривая пушки, и созывая артиллеристов. Нэрт молча стоял на полуюте возле резного планшира и, щурясь, наблюдал, как старый английский корабль, раскачиваясь на волнах, неуправляемый и покинутый, волочится по ветру в свой последний путь.

Атлантика

Прекрасно сложенный трёхмачтовый галеон с двумя прямыми парусами на фок и грот-мачте, с латинским парусом на бизани и блиндом на бушприте, раздвигал океанскую волну форштевнем, наваливаясь бортом на пенный бурун. Команда продолжала наводить лоск на судне.

В шикарно украшенной морёным дубом капитанской каюте за массивным столом сидели трое моряков. Они с удовольствием потягивали испанское вино, пыхтя трубками. В приоткрытых окнах кормового балкона океанской свежестью озорничал ветер Атлантики. Рядом, на обшитом атласом и бархатом позолоченном диване, откинувшись на спинку, сидел капитан. Прикрыв глаза, он дремал под балагурство офицеров. В застолье принимали участие старые товарищи ещё по королевскому флоту.

Джолли Дик, возглавивший абордажную команду. Диксон, который получил возможность командования всей артиллерией галеона, постоянно хмурился, мысленно пробегая по новому хозяйству.

Штурман, откликающийся на необычное для английского моряка имя Дона Педро, был вынужден уйти из флота, так как его бывший капитан свалил на него всю ответственность за свою глупую затею с ночным походом к испанским берегам, где королевский фрегат разорвал своё днище на прибрежных скалах. Штурмана сначала хотели судить, но в адмиралтействе поняли, что в таком случае под суд пойдёт и капитан, а он оказалось, имеет непосредственное отношение к родству с фамилиями знатных лордов. Поэтому Дон Педро оказался на пирсе с такой репутацией, что только сумасшедший бы вознамерился взять его на борт в качестве штурмана.

Доном Педро его прозвали за то, что он мог без запинки болтать на испанском и португальском языках и имел необычайный успех у женщин. Выдавая себя за некоего благородного кабальеро Дона Педро, он мог затащить в койку любую знатную матрону, благородно отужинав за её счёт, – и оставляя о себе неизгладимые воспоминания как о страстном сеньоре.

Как штурману, ему не было равных. Ещё мальчишкой он тайком пробрался на торговый корабль, грезя дальними странами, но был обнаружен матросами и доставлен под суровые очи капитана. Так и закончились грёзы, началась нелёгкая жизнь юнги. Жизнь носила этого баловня судьбы по всем европейским портам, и в Лиссабоне, после одной пьяной драки, он не попал на свой корабль, потому как валялся избитый в грязном переулке. Там его подобрала какая-то сердобольная женщина и, Дон Педро некоторое время был вынужден пожить в Португалии. Но столь горячей натуре не сиделось в одном месте, его носило от Кордовы до Каталонии, где наконец—то в порту Барселоны, Дон Педро примкнул к обществу контрабандистов.

Среди контрабандистов он очень быстро завоевал авторитет, в первую очередь как моряк, прекрасно знающий море и умеющий выбирать курс. На тайных средиземноморских маршрутах и сложилась жизненная позиция молодого парня. Его тянуло узнать всё о морях, он изучил береговую линию Испании и Франции.

Судьба контрабандиста заводила его в нелюдимые бухты северной Италии, Тоскана и Алжира. Когда судьба забросила его, уже капитана шебеки, в Бискайский залив, тоска по родному языку взяла верх над вольной натурой. Он взял курс на Англию.

В Плимуте он простился с товарищами и растворился в порту, нисколько не заботясь об их судьбе. Освоившись на родине, он, как человек, имеющий приличный запас навигационных знаний, попал в королевский флот, где его знания уже отшлифовали и довели до научного состояния.

Новоиспечённые офицеры пиратского корабля, уже приговорили дюжину молодого вина. И лениво вспоминали смешные случаи из своих моряцких будней, иногда посматривая на капитана.

Моряцкую пирушку в капитанской каюте нарушил Мэт. Его сапоги прогромыхали по трапу, войдя в каюту, он победно оглядел всю компанию и, уперев руки в бока, с весёлым видом провозгласил:

– А знаете, что сейчас Мох отчудил?

Дик не удержался от предвкушающей улыбки, а Диксон ворчливо задал наводящий вопрос:

– Надеюсь, батарейная палуба в порядке? Я помню шесть лет назад, ещё на «Резолюшен», Мох набрался и пытался прорубить в фальшборте новый порт для пушки, которая, по его мнению, неудачно установлена...

Мох – так звали корабельного плотника. Как его нарекли родители, никто не знал. Все звали его мхом, за его бороду, которая, всегда сбивалась в нечто напоминающее это растение. Мох был ещё крепким стариком и мастером в своём деле, однако когда принятое им спиртное превышало определённую норму, он становился одержим какой ни будь идеей и старался тут же претворить её в жизнь. Поэтому все старались следить за тем, чтобы плотник не принял лишку.

Мэт достойно выдержал паузу и, сдерживая смех, поведал о выходке Моха:

– Мох перебрал и решил захватить кубрик! Да-да, он кое-как дополз по трапу до кубрика, уселся на входе с двумя тесаками и заявил, что никто не войдёт туда иначе, как только через его труп!

– Ну? – Дика распирало от любопытства. Глаза его разгорались, когда речь заходила о тесаках и саблях.

– Ну? Так уговоры на нашего Моха не действуют, пришлось как всегда. – Мэт осклабил, – парни притащили бочонок вина, и кинули на него, он как сидел на палубе, выставив вперёд два клинка, так и поймал его на грудь, только тесаки по палубе покатались...

Дождавшись, когда все отсмеются, Мэт подсел к столу и поинтересовался:

– Куда двинем, когда доберёмся до Антильских островов?

Дон Педро многозначительно посмотрел на капитана и, как бы заручившись его молчаливым согласием, водя кончиком ножа по столу, пояснил:

– Мы несколько отклонились от принятых маршрутов к югу, ниже тропика Рака.

– Мне нужны люди, – пробурчал Диксон, – если придётся стрелять, какой это будет залп? Будем бегать по всем палубам с тремя пальниками, а пушки ведь наводить нужно и смотреть, когда именно запаливать.

Нэрт пошевелился, устроившись удобнее, и успокоил Диксона:

– На наших колониях наберём. Думаю, даже не обязательно на наших, там, куда не зайди, везде должны быть пиратские базы, а значит, желающих выйти в море, предостаточно.

Объяснение капитана прервал крик на мостике, окна были приоткрыты и все услышали голос вахтенного матроса.

– Эге-гей! Паруса справа по курсу!

Нэрт схватил подозрную трубу и ринулся на палубу. Дик заметался по каюте, подхватывая свою амуницию и пистолеты. Дон Педро сосредоточенно разглядывал бутылку из-под вина, чему-то ухмыляясь. Диксон и Мэт даже столкнулись на выходе из каюты и так, дуплетом, выскочили на палубу.

Стоя на мостике, Нэрт рассматривал горизонт в подозрную трубу. Там, ещё очень далеко, над синим краем океана, поднимались белёсые пятнышки парусов нескольких кораблей.

Рядом с Нэртом сопел Дик. Не торопясь, с достоинством появился Дон Педро:

– Испанцы?

– По всей видимости, они. Тяжёлые галеоны, если судить по парусам. Интересно, почему они здесь идут? Идут на Канарские острова, прямо через океан. Где логика?

– Может быть, это золотой флот? – Дон присмотрелся к далёким парусам, – вернее, часть его. Золотой караван испанцы отправляют один раз в два года. Но для него собирается не меньше двадцати кораблей. Отлично вооружённые галеоны, брандеры и прочие суда. Взять с боем можно лишь отбившийся от каравана корабль.

– Может быть, эти тоже, отбились? Всего три вымпела, маловато для золотого каравана. Но всё равно, именно этим путём? Велика вероятность, встретить идущие в Новый Свет флотилии, да и против течения, довольно долго лавировать с галса на галс против ветра.

– Если бы ещё знать, когда именно они отправляют этот караван. Мы не знаем, когда именно испанцы отправляют золото.

– У нас остались испанские тряпки?

– Что? – Дон Педро с интересом смотрел на капитана.

– Одежда испанцев, флаги, где всё это? Срочно разыскать, поднять испанские флаги, и одеть парней для шлюпки так, чтобы они были похожи на испанских матросов.

– Ого! Нэрт, ты снова что-то задумал? Пойдём на абордаж на шлюпках?

– Не совсем. Мэт! Убери лишних людей с палубы! Дон, испанские женщины не подозревали, что благородный кабльеро Дон Педро, как там тебя дальше, на самом деле английский моряк?

– Нэрт, ты чего задумал?

– Мы идём южнее общих маршрутов, если испанцы используют этот путь, значит, они здесь могут ожидать только встречу со своими кораблями. Английский флот курсирует севернее, мы – испанцы, у нас приказ патрулировать этот маршрут, следить за тем, чтобы никто не позарился на испанскую собственность! И можем, если коммодор испанского каравана не против, некоторое время идти у них в кильватере, усилив охранение. Твоя задача убедить их в этом. Одевайся, Дон Педро, как тебя там ещё, чтобы ты выглядел благородным сеньором, и когда подойдём к испанцам, отправишься на шлюпке с визитом вежливости.

Дон с кривой ухмылкой молча смотрел на капитана, и Дик, хохотнув, хлопнул его по спине:

– Приплыли, Дон? Ха-ха, а мне даже нравится!

– Чего тебе нравится? – у Дона Педро охрип голос от волнения. – Нэрт, я всё понимаю, благородные матроны там и прочее, но там, меня там раскусят, в два счёта!

– Мы за тебя отомстим. – Нэрт серьёзно смотрел в глаза штурмана. – Это не обсуждается, если бы я не был в тебе уверен, мне даже в голову такая мысль не пришла бы. Ты справишься, тем более от тебя не требуется расшаркиваться там со всеми. Ты всего лишь вахтенный офицер, посланный капитаном, твоё дело передать мои слова и назад, с ответом.

Дон Педро мрачно смотрел на приближающиеся паруса, теперь уже видно было идущие в кильватер три тяжёлых корабля, мало уступавших захваченному галеону.

Стараниями боцмана на всех мачтах и гафеле развивались испанские флаги. Название корабля пока ещё не успели сменить, а так как он был недавно построен, то и вполне естественно, испанские капитаны не могли ещё знать, кто был назначен на новый галеон и, какие задачи были поставлены испанским монархом капитану.

– Так, а что дальше? – штурман был как никогда серьёзен.

– Дальше они с радостью согласятся на моё предложение, лишний галеон в эскадре на подходе к Европе никогда не помешает. А мы ночью догоним последний галеон и посмотрим, что у него в трюмах, – ухмыльнувшись, Нэрт посмотрел на Джолли Дика, а тот, радуясь как ребёнок такому плану, уже радостно скалился, словно ему пообещали корону и принцессу.

Испанская эскадра шла в галфвинд, медленно тащась по волнам, тяжело гружённые корабли наваливались левыми бортами на волну. Там, конечно, заметили одинокий галеон и пристально изучали его в подзорные трубы, но менять взятый курс не спешили.

– Все на верх! К развороту! Идём на сближение, на десяти кабельтовых ложимся на их курс и идём рядом. Дон, поищи сигнальные флаги.

Заметив манёвр Нэрта, на испанских кораблях принялись убирать паруса, ложа эскадру в дрейф. Дон Педро, позаимствовав из гардероба испанского капитана кое какие обновки, наставлял матросов, которые готовились спуститься в шлюпку. Отвалив от борта, Дон помахал рукой и перекрестился.

Все с интересом наблюдали за тем, как шлюпка подходит к испанскому флагману.

Минуты ожидания томили неопределённостью. Казалось, Дон Педро уже никогда не вернётся назад, если его маскарад будет раскрыт. Прошло пол часа, на кораблях отбили склянки, и шлюпка с Доном Педро отвалила от борта флагмана. Все ещё находились в напряжении, ожидая вестей со шлюпки, а испанская эскадра уже поднимала паруса.

– Нэрт! Я требую компенсации за свои услуги! – Дон таким образом частенько снимал стресс, компенсация в его понимании означала «напиться до чёртиков».

– Будет тебе компенсация, рассказывай, что там и как.

– Эти сеньоры сочли меня за португальца. Новый галеон ещё не известен им, а имя капитана я придумал уже в шлюпке, – штурман, криво улыбаясь, ехидно добавил, – капитан Дон Мигель де Монкада... – это вы капитан!

Нэрт, разглядывая Дона Педро, чему-то загадочно улыбался:

– Придумал же!

– В общем, испанцы рады приветствовать столь знаменитого и благородного сеньора в своей эскадре, и мы можем идти у них в кильватере. Где у нас ром?

Собрав своих офицеров в каюте, Нэрт поставил перед штурманом бутылку рома. Дон Педро, не торопясь, со вкусом отпил из горлышка бутылки и, обведя взглядом всю компанию, сообщил, что пока коммодор испанского каравана не имеет времени встретиться с Нэртом, дабы как положено испанским грандам соблюсти все тонкости этикета. Но эскадра собирается пополнить запасы воды на Канарских островах, и вот там, видимо, испанцы устроят пирушку.

Дику не терпелось знать всё о предстоящем абордаже, он ёрзал на стуле, сопел и вертел в руках пустой кубок. Нэрт, выслушав своего штурмана, на минуту задумался.

– До ночи ветер не изменится, испанские галеоны обросли ракушками в южных морях и забиты добром. Чтобы идти в кильватере и не толкать бушпритом караван, нам пришлось убрать блинд и зарифить паруса. Ночью мы догоним идущий перед нами галеон и с полубака пойдём на абордаж, кормовые надстройки у него высокие, так что придётся карабкаться, обгонять его дальше нельзя. Зайдём с левого борта. Я пойду через балконы на его корме, навещу капитана прямо у него в каюте. Хотя не думаю, что застаю его там но, тем не менее, таким образом, мы появимся на палубе с двух сторон. Дик поведёт свою команду с борта, я и ещё десяток парней из кают. Всё нужно проделать как можно быстрее, выбить испанцев, осмотреть судно и перегрузить то, что найдём ценного. Перед самым абордажем погасить все огни, там, на галеоне также никаких огней, пока на первых двух кораблях поймут, в чём дело, и развернутся, мы должны уже отваливать от испанца. А после, – Нэрт откинулся на спинку стула, – пусть попробуют догнать.

– Нужны трапы, – Дик повернулся к боцману, – Мэт, дай парням задание смастерить пару трапов, чтобы мы могли их перекинуть с бака, на корму испанцам.

Капитан барабанил пальцами по столу, рассеянно разглядывая всю компанию.

– Мэт, найди какой либо ветоши, пакли, и сооруди в вёдрах что-то такое, чтобы дымил, но не горело, будем выкуривать испанцев из трюмов, иначе они там до утра продержатся. Без

необходимости не стрелять, попробуем взять галеон без шума. Назначь матросов, которые займутся дымовыми вёдрами, пусть постараются прорваться к люкам.

К ночи ветер ослаб до трёх баллов, эскадра тяжело тащилась по волнам. Испанцы весь день толпились на полуоте, рассматривая новый галеон, и к вечеру их любопытство уже иссякло.

В то время как на испанских кораблях заканчивались работы и на палубе оставались только вахтенные, на пиратском корабле работа только начиналась. На опер-деке шли приготовления к ночному бою, затачивались клинки, боцман усадил несколько человек мастерить дымовые вёдра.

На ноке фока-рея по правому борту навязали десяток канатов, чтобы Нэрт с матросами могли добраться до балконов кормовой надстройки галеона. Нэрт лично следил за этими работами, проверял каждый конец, рассчитывал длину, запас и место с которого нужно будет перемахнуть через планшир.

Когда эскадра затерялась в ночной темноте, и ориентироваться можно было только по кормовым фонарям, на пиратском галеоне распустили паруса и погасили огни. Все команды отдавались вполголоса. Нэрт сам встал за штурвал и вёл корабль на обгон испанца. Он намеренно отбирал ветер у впереди идущего галеона. Паруса на испанском корабле захлётб искали порыв ветра, галеон сбавил ход. Как только утлегарь бушприта поравнялся с кормой испанского галеона, абордажная команда Джолли Дика столпилась на баковой надстройке, приготовив абордажные крюки и на скорую руку смастерённые трапы. Отдав штурвал рулевому, Нэрт помчался на шкафут, где возле правого фальшборта его ожидали матросы, с которыми ему предстояло проникнуть на испанский галеон. Вся группа уже разобрала концы канатов, на которых им предстояло, как на качелях, пронестись над морем, к кормовым балконам испанца. Матросы шёпотом перешучивались о возможностях обнаружить в каютах испанского корабля спящих красавиц или сундуки с казной.

Со стороны испанского галеона донеслись испуганные возгласы вахтенных, испанцы не могли понять, что происходит, сочтя, что на корабле Нэрта вахтенные не уследили за морем, и, благодаря хорошему ходу, корабль сократил дистанцию строя.

Нэрт видел, что бушприт его корабля раскачивается уже вровень с ютом испанского галеона.

– На абордаж!

Застучали железные крючья. Нэрт захлестнув петлёй на руке конец каната и вскочил на планшир фальшборта:

– Не прыгать всем сразу! Жду на испанце!

Прыжок в ночную тьму океана, рывок каната, и он полетел над вздымающимися внизу волнами по широкой дуге к корме испанского галеона. В конечной точке полёта фока-рея качнулась вверх, и Нэрт, пролетев над балконом, ударился прямо в окна капитанской каюты, выбив раму ногами.

Нэрт освободился от конца каната и ужом проскользнул в капитанскую каюту. В ней никого не было, только масляный фонарь раскачивался над потолком. Пришлось выбивать остатки оконной рамы, расчищая проход для матросов, которые словно черти из бездны один за другим подлетали к балкону. Повезло не всем, некоторые моряки, вертясь на канатах, с треском врезались в кормовые надстройки и снова уносились куда-то в ночь, болтаться над морем. Семь человек, растирая ушибленные места, собрались вокруг своего капитана в каюте. Нэрт извлёк из ножен изогнутую саблю, которую для него ковали оружейники в Бристоле по его зарисовкам, кортик и обернулся к морякам, которые уже стояли готовые к бою, сжимая в руках тесаки и топоры:

– Пошли! – Он, пинком распахнул дверь каюты и выскочил на палубу.

Бой на юте уже закончился, вахтенные были сметены в первые минуты абордажа, капитан галеона и его офицеры лежали тут же в расползающихся лужах крови.

Матросы оттеснили испанцев к шкафуту, по ходу обрубая шкоты на парусах. Грот бесильно болтался на рее, ход испанского галеона замедлился, на пиратском корабле тоже убрали паруса, чтобы тормозить захваченный испанский галеон. Испанская эскадра уходила вперёд, покачивая кормовыми огнями. Дик, подскочил к капитану:

– Нэрт! Они все в трюме, там полно мушкетёров, все готовы к вылазке!

– Дымовые вёдра где?!

Боцман вертелся на шканцах испанского корабля, подгоняя матросов. Возле люков собрались абордажники Дика, с оружием в руках, и на любого пытающегося выглянуть из трюма испанца сыпался град ударов. В люки полетели вёдра, чадающие удушливым дымом.

На баке ещё кто-то звенел клинками, но сопротивление на верхней палубе уже было окончательно подавлено.

Испанцы пытались выбросить вёдра из люков, но матросы со злорадным смехом швыряли их обратно. Нэрт оставил командовать Дика, а сам пошёл в капитанскую каюту. Подкрутив фитиль в фонаре, он занялся поисками. Карты, письма, документы, всё это нужно забрать, потом видно будет, что со всем этим делать. Прихватив из капитанского бара пару бутылок вина, Нэрт вышел на палубу.

– Мэт! Пока Джолли выкуривает испанцев, общите всё здесь.

– Капитан, – Дика трясло от негодования, – парочку свёртков с порохом бы им в трюм? А то, они там долго сидеть будут, этого дыма мало.

– Добро, сбросьте им парочку подарков, и вообще, – Нэрт прищурившись, глянул в сторону бака, – можно уже и пострелять, так что не задерживайтесь. – Нэрт пошёл к переброшенному между кораблями трапу.

Джолли Дик подскочил к своей команде:

– Так, черти! Пороха сюда! Живо! Фитили! Джеки! Тащи огня, вяжите порох в парусину!

Уже на шканцах собственного галеона Нэрт услышал глухие взрывы с борта испанца, это Дик занялся бомбометанием. Диксон угрюмо стоял у фальшборта, наблюдая за происходящим. Хлопнув его по плечу, Нэрт ободряюще произнёс:

– Диксон! Постреляешь ещё, всему своё время.

Оставив в каюте бумаги и две бутылки вина, Нэрт вышел на палубу. Быстро пройдя от юта до бака, осмотрел рангоут и, опёршись на фальшборт, стал всматриваться в ночную мглу. На испанском галеоне гремели выстрелы и глухо ухали взрывы пороховых зарядов. Дик знал своё дело. Нэрт как гончая жадно втягивал ноздрями ночной воздух. Запах океана и пороха будоражили, но ветер сносил большую часть пороховой гари туда, откуда вот-вот могли показаться топовые огни испанских галеонов.

Оставив матроса наблюдать за морем, Нэрт спустился на опер—дек палубу, и там по голосам и огням фонарей нашёл Диксона с его артиллеристами. Капитан подошёл и смотрел, как заряжаются погонные орудия, матросы уже вбивали пыжи.

– Я просто решил. Что на случай, если испанцы хватятся нас и вернуться, придётся отстреливаться, – Диксон привычно сыпал порох в запальные отверстия.

– Отлично, погонные заряжайте ядрами, весь правый борт книппелями, когда они подойдут на выстрел, в этой темноте не станут стрелять, они ведь не знают, что у нас здесь происходит, да и стрелять по своим галеонам не решатся. Пока они будут подходить, мы поднимем паруса и отвалим под ветер, у тебя будет время только для одного залпа с носовых, а потом, сколько сможешь, бей книппелями от правого борта. – Голос капитана отдавал металлом, словно рубил пространство опер-дека, отражаясь от бортов.

Диксон сиял от гордости и радости:

– Это моя ночь, кэп! Я выгоню из неё всех чертей вместе с испанцами!

– Когда они подойдут, я крикну тебе, дальше сам смотри. – Нэрт уже бежал по трапу на палубу. На захваченном испанском галеоне уже было тихо, вся возня переместилась куда-то в трюмы.

Нэрт по переброшенным между бортами трапам перебежал на испанский корабль. Матросы уже тащили что-то из трюмов, стаскивая к фальшборту ящики и вязаные тюки. Мэт выскочил из трюма и, подгоняя матросов, кинулся к капитану:

– Нэрт, там только серебро, полтрюма серебра, всё в слитках, но сверху всё завалено провиантом, бочками, приходится разгребать всё это, если испанцы вернуться, мы всё не успеем забрать.

– Возьмём, сколько успеем. Серебро, говоришь? Значит, если в этом караване есть золотишко, оно на флагмане. Под каютой капитана смотрели?

– Да, там хранилище для казны, но сундук ещё не взломали, хотя, может быть, уже и открыли, я оставил там Тома и Моха.

– Иди, проведай их, пусть поторапливаются, если на этом корабле и было что-то особо ценное, оно должно быть там.

Нэрт подошёл к люку в трюм и, наклонившись крикнул:

– Джолли! Быстрее!

В ответ на этот крик в трюме затрещали выстрелы, потом всё резко стихло. Через минуту над палубой появилась голова Дика. Его лицо было измазано в крови:

– Дьявол побери этих испанцев! Они как крысы, из-под каждого бимса приходилось выбивать!

– Ты ранен?

Дик смахнул ручищей кровь с лица, и выругался:

– Споткнулся на ком-то, да приложился об лафет, ерунда это.

– Ладно. Что там ещё за стрельба?

– Так я же говорю, эти крысы до самого кильсона разбежались, здесь мы расчистили, а на баке их ещё много.

– Хватит! Надо отваливать! Блокируй испанцев, чтобы не мешали, и давай, таскайте уже наверх ящики.

С бака пиратского галеона закричал матрос:

– Испанцы! Испанцы назад идут!

Нэрт подскочил к фальшборту и, всмотревшись в проблески топовых огней вражеских галеонов, ринулся к люку.

– Джолли! Все наверх! Отходим!

Матросы выскакивали из трюма, как черти из преисподней, таща ящики и тюки. Мэт вепрем носился по шканцам галеона, подгоняя команду. Нэрт перебрался на свой корабль и уже рвал голос, рассыпая команды. Освобождённый от сцепления с испанским кораблём галеон качнулся на волне и, набирая ветер в распущенные паруса, двинулся вперёд навстречу приближающимся огням испанских галеонов. Ветер дул в правый борт, и Нэрт спешил успеть повернуть корабль, уйдя под ветер, чтобы, идя в фордевинд, иметь явное преимущество в скорости, одновременно держать испанцев на траверзе правого борта.

Испанцы, не понимая, что случилось, рыскали короткими галсами, ища потерявшиеся корабли.

Диксон, видимо, уже сам увидел, куда стрелять, и погонные пушки грохнули, заволакивая дымом бушприт. Галеон набирал ход, разворачиваясь правым бортом к шедшему на сближение испанскому кораблю. В опер-деке Диксон носился с пальником в руке вдоль всего борта, проверяя углы прицелов. Распустив паруса, пиратский корабль ходко разворачивался по ветру.

На испанском галеоне забили барабаны, там зажигали боевые огни и сустились возле орудий, но поздно. Ночной воздух задрожал от выстрелов, пушки били одна за другой, заволаки-

вая дымом видимость, только огненные всполохи подсказывали, – откуда ведётся огонь. Книппеля со свистом рвали ванты и штаги испанского корабля, и тех несчастных кому не повезло оказаться на пути летящей смерти.

Через час от погони, если она и была в ночном море, не осталось и следа. Галеон рассекал форштевнем океан, гулко отбрасывая от бортов пенный шлейф. Матросы, стащив всю добычу на опер-дек, распаковывали ящики и тюки, всюду слышались возбуждённые голоса. Оставив боцмана руководить распаковкой добычи, Нэрт ещё раз прошёл по всему кораблю, осматривая такелаж и рангоут. Дик с перевязанной головой, находился возле раненых, ругая, на чём свет стоит корабельного лекаря. Толкового доктора на берегу найти не удалось, по этому на эту роль был назначен обычный матрос, который когда-то помогал после сражений судовому доктору, и хотя бы имел какое-то представление, как оказывать помощь раненым.

Ближе к полудню, на корабле восстановился привычный распорядок. В капитанской каюте, кроме Нэрта, находился боцман, которого прорвало поворчать и Дон Педро. Штурман, опёршись щекой на ладонь, тоскливо слушал боцмана. Нэрт распорядился:

– Мэт, открой двери на балкон, пусть проветрится. И что ты там хотел доложить?

– О добыче.

– Ну? Что там у нас?

– Серебра не густо. Испанцы уложили его в самый низ трюма, среди балласта. Что успели, то взяли. Ну, вина немного, и несколько бочонков настоящего ямайского рома.

Штурман громко икнул, и переспросил:

– А ром куда дели?

– Ром я запер в шкиперской, не беспокойся на этот счёт.

Нэрт прищурившись, посмотрел на боцмана и, криво улыбнувшись, поинтересовался:

– А что было в сундуке с казной? Ставлю полновесный золотой соверен, что ты нашёл нечто интересное?

– Не буду спорить, – боцман самодовольно ухмыльнулся в усы, – кое-что нашли, но, гром меня разрази, я не знаю что это за ерундовина и насколько она ценная.

– Так тащи её сюда, мы с Доном посмотрим, с чем её едят. – Нэрт рассмеялся и рывком поднялся с дивана.

Мэт положил на стол, тщательно завернутый в парусину предмет.

– Вот. Там ещё была казна, серебро и немного золота, я всё высыпал туда. – Боцман кивнул на массивный капитанский сундук, прибитый к полу возле стены. В этот сундук Нэрт решил собирать все монеты из захваченной добычи, чтобы при необходимости деньги всегда были под рукой.

В свёртке оказался странный предмет необъяснимого назначения. Имеющий вид вытянутого яйца камень жёлто-коричневого цвета, почти прозрачный, вдоль осевой линии каменного яйца выступал орнамент в виде оклада или обруч, а в узкой части переходящий в узорную рукоять.

– Индейская колотушка! – Заявил боцман, хмыкнув в усы.

– Не скажи, он так отполирован, ни одной царапины, этим камнем, конечно, можно и череп разбить, но это что-то другое.

Нэрт долго разглядывал странный камень, вертя его и так, и эдак. Вглядывался внутрь странной находки и, передёрнув плечами, серьёзно посмотрел на боцмана.

– Я не знаю, что это, но, судя по всему, что-то очень редкое.

– Ага. Значит, нам придётся искать торговца редкостями, чтобы выручить за эту колотушку хоть пенни?

– Пока никого не будем искать, положу к себе в сундук. Скоро Дон Педро придёт в кондизию, и я загрузу его работой.

Услышав своё прозвище, Дон поднял голову и, посмотрев на капитана тяжёлым взглядом, заявил, что сможет подняться с места только после глотка рома.

Но Нэрт уже не фамильярничал:

– Сходите на палубу и умойтесь, офицер! Мне нужен штурман, а не разлагающаяся улитка. И никакого рома! Я знаю прекрасное средство от похмелья. Надеюсь, вы как старый моряк отлично помните, как выгоняют на флоте похмельный синдром?

Набычившись, Дон Педро поплёлся на палубу, где смог себе позволить поворчать на капитана.

Мэт не сводил взгляда с каменного предмета. Заметив это, Нэрт сел за стол, и принялся более внимательно изучать трофейную вещицу.

– Что скажешь, Мэт? Это, как я полагаю, рукоять, чтобы держать камень, если бы обе стороны камня были ровно спилены, и так же отполированы, тогда, это напоминало бы зеркало. Хотя, камень настолько прозрачен, что даже в виде такого вот, каменного яйца, сквозь него можно читать.

– Я не знаю, капитан. Но почему-то у меня появляются нехорошие предчувствия. Может быть, выбросим это за борт? Всё равно много мы за него не получим, да ещё нужно поискать, того болвана, который согласится купить эту чёртову колотушку.

– Я так не думаю, Мэт. Когда Дон Педро приведёт себя в порядок, я отдам ему все бумаги этого испанца, и, может быть, мы узнаем об этой вещице что-то существенное. Но сдаётся мне, что в тех бумагах мы найдём разгадку, у меня тоже предчувствие.

Капитан оторвался от созерцания камня и повернулся к боцману:

– Что, Мэт? Думаешь, твой капитан рехнулся, засмотревшись на индейскую безделушку?

– Всё может быть, – боцман кашлянул, – вещица-то индейская.

– Не думал я, что мой боцман такой суеверный, – Нэрт аккуратно завернул камень в парусину и положил в сундук. – Всё, Мэт, а пока, марш на палубу, команда без твоего пригляда расслабилась совсем?

Боцман хмыкнул и, улыбнувшись, пошёл к выходу:

– Я им расслаблюсь, вот они у меня ходят вокруг брашпиля!

Галеон капитана Нэрта, на всех парусах, разбивал форштевнем океанскую волну, вздымая каскады пенных брызг вокруг гальюна. По ветру отчаянно рвался чёрный флаг с белым черепом и двумя перекрещенными якорями. Команда уже закончила уборку палубы и, часть матросов, собралась на баке возле двух старых ветеранов королевского флота, которые слыли неплохими запевалами и знатоками матросских песен.

Вся команда Нэрта была подобрана из моряков, которые в недавнем прошлом служили короне. Так капитан сразу решал несколько задач: вся команда имела боевой опыт и – самое главное – дисциплина на корабле была на высоте.

Матрос, только что спевший простенькую балладу о не лёгкой морской жизни, прокашлялся и принялся набивать трубку табаком. Один из слушателей, спросил:

– А что, Хью, верно говорят, что наш капитан ходил к берегам Африки? Разве там у нас с кем война была? Или он за пиратами гонялся?

– Сейчас возле Африканского побережья как чайки выются разные бедовые личности. Заманивают к себе чернокожих и, везут их для продажи в колонии. Так, занимаются этим делом все кому не лень, а капитана, послали туда навести порядок, наших значит не трогать, а всех остальных разогнать. Вот, – матрос ухмыльнулся, – всех кто не лёг в дрейф по сигналу, топили к чертям собачьим. Про него даже песенку одну сложили.

– Э, давай пой уже! Потом покуришь! – зашумели матросы, – давай про нашего капитана!

– Ладно, уговорили:

*О, был ли ты парень на Конго реке?
Блоу бойс блоу,
Где жмёт лихорадка людей в кулаке,
Блоу бойс блоу,
Там Нэрт распарывал штевнем волну,
Блоу бойс блоу,
И мачты его упирались в луну,
Блоу бойс блоу...*

Матросы подхватили старый английский припев, с которым легче налегать на брашпиль, и тянуть шкоты. Галеон ходко шёл к тёплым морям и новым приключениям. На мостике нёс вахту Дон Педро, опираясь на резные перила, прислушивался к пению матросов, ностальгически улыбаясь.

На мостик поднялся Нэрт, глянул на компас, осмотрел паруса и подошёл к штурману.

– Прекрасно выглядишь, Дон.

– Стараюсь соответствовать, – улыбнулся тот в ответ, – на баке что поют, а? Накатило что-то, воспоминания. Эх, мы там дали понюхать пороху!

– Да, славно провели полтора года.

– Джолли что-то слёг совсем, видать, по голове сильно досталось.

– Ничего, у него голова как колокол, отлежится. Ты вот что, возьми у меня все бумаги этого испанца, почитай внимательно, там судовой журнал, письма, может, чего интересного узнаем. Меня больше всего интересует, где он бывал, где испанцы бросают якоря, в общем, сам знаешь.

– Посмотрю. Я сам хотел у тебя выпросить судовой журнал, полистать. Не был я в Карибском море, так что меня сейчас всё интересует, течения, промеры, мели, рифы.

– Свежеет. Не прихватило бы нас штормом, – Нэрт тревожно всмотрелся в тёмную полоску горизонта.

– Так и есть, прихватит. Не основательно, я думаю, только краешком. Пока не поздно, зарифим паруса, боюсь, не налетел бы шквал, тогда можно и мачты потерять.

Дон Педро позвал на мостик боцмана и принялся распоряжаться. Нэрт пошёл к себе в каюту, открыл дверь на балкон и, выйдя на него, с наслаждением окинул взглядом бескрайние просторы океана. Шлейф за кормой галеона расходился острым клином вспененных бурюнов, корму нежно поддавало вверх на океанских волнах, чтобы мягко погрузить в солёную стихию. Океан заметно менял свой величественный вид, волны становились всё выше, неспешно перекачиваясь в каком-то ведомом одному Нептуну ритме. Уже настоящие водяные холмы гуляли вокруг галеона, отражая солнечный свет на своих водяных склонах. На гребнях появились пенные барашки.

Нэрт ещё раз критически окинул взглядом океан, пора на мостик, вот-вот налетит шторм. Прихватив плащ и непромокаемую шляпу с широкими полями, он поспешил на палубу. Ветер уже наигрывал свои рулады в натянутых струнах такелажа, а за бортом с крутых волн уже срывалась белая пена. Матросы трудились во всю, разбежавшись по реям. Дон Педро распорядился убрать блинд, фор-марсель и грот, на остальных парусах брали рифы.

Штурман, вцепившись в перила мостика, придирчиво следил за работой марсовых, но придраться было не к чему. Нэрт встал рядом со штурманом:

– Дон, сходи оденься, нас сейчас накроет.

Дон Педро молча кивнул, сбежал по трапу на шканцы. Вся команда работала в усиленном режиме. Боцман с плотником сновал где-то в трюмах, проверяя, всё ли принаитовано как положено. Штурман вернулся на мостик, встал на своё место. Ветер уже начинал свирепеть,

взбалтывая водное пространство вокруг галеона, концы мачт выписывали кренделя в небе, и марсовым приходилось не сладко на реях.

Нэрт посмотрел на штурмана, Дон, прищурившись, улыбался, крепко держась за поручни. Почувствовав взгляд капитана, он слегка повернул голову и прокричал, стараясь перекрыть завывание ветра:

– Что, Нэрт?

– Наш галеон! – голос капитана звенел металлом.

– Что галеон? Всё в порядке! Этот шторм нам ерунда!

– Галеон теперь называется «Приватир»! Мы его взяли в бою! И будем брать всех и вся! –

Нэрт засмеялся и обернулся на гафель, где рвался по ветру чёрный флаг.

Дон Педро оскалил в улыбке крепкие зубы и, издав какой-то воинственный клич, разразился испанской бранью, взмахнув кулаком над головой.

«Приватир» штурмовал одну волну за другой, раскачиваясь из стороны в сторону, ветер гудел в снастях, косой дождь давал крещение наречённому новым именем галеону.

Антильские острова

Карибские воды встречали пересёкший Атлантику галеон солнечным зноем и трёх балльным ветром. Под всеми парусами, «Приватир» рассекал форштевнем прозрачные волны, пронизанные солнечными лучами. Дельфины, уже с раннего утра сопровождавшие корабль, забавляли матросов своими стремительными прыжками, высоко выскакивая из воды, они словно пытались заглянуть на палубу, интересуясь людьми. Отдыхавшие после трудных вахт, выпавших на штормящий океан, моряки наблюдали за игрой дельфинов, делились впечатлениями, поминали не хорошим словом акул, которыми так же славятся эти моря.

В капитанской каюте Нэрт собрал своих офицеров. Все понимали, что переход через океан закончился. Впереди – колониальные земли европейских монархов, вольные и циничные товарищества берегового братства и морские патрули, в общем, – весь букет опасностей и неожиданностей.

На столе не было спиртного, лежали карты, карандаши и нехитрые штурманские инструменты. Дон Педро сосредоточенно вертел в руках компас, который держал всегда при себе, в деревянном футляре. Старая вещица штурмана, которой он разжился, ещё будучи контрабандистом. Дик, уже без повязки на голове, как и прежде, источал вокруг себя флюиды здоровья и молодецкой удали. Мэт и Диксон уселись как всегда рядом, уверенные в себе, опытные морские волки ждали, что скажет капитан.

Нэрт оторвался от карты и, осмотрев своих офицеров, начал:

– Итак, друзья, мы на подходе к островам. Возможно, нас немного снесло течением, и точно сказать я не могу, куда именно мы выйдем. Это может быть Антигуа или Пуэрто—Рико, лучше конечно Антигуа. Моря не знакомые, Дон последние дни изучал испанские карты, поэтому передаю слово ему.

Дон Педро убрал компас и откинулся на спинку стула:

– Те карты, что я купил в Англии, – или дешёвая переделка, или полнейшая ерунда. Поэтому даже не буду ничего сравнивать, у нас имеется довольно основательно прорисованная карта всего архипелага, и часть материка, причём испанский капитан собственной рукой делал важные пометки. Но я хотел бы лично перепроверить кое-что и собственными глазами увидеть некоторые проливы и рифовые острова. К тому же, в этих широтах довольно уникальная погода. В общем, я просто сгораю от нетерпения обойти весь архипелаг.

– Один момент нами упущен, – произнёс Нэрт, – мы совершенно не представляем себе, что здесь происходит. Это колонии, и здесь свои политические игры и интересы. Во всяком случае, мне нужна информация, и я намерен её получить лично.

Штурман с удивлением посмотрел на капитана, боцман и канонир просто сидели и слушали, особо не вникая в детали, их интересовало только то, что касалось их деятельности. Нэрт снова осмотрел всех присутствующих и как человек, давно принявший решение, сказал:

– Когда определимся с местоположением, берём курс на Антигуа. Там я сойду на берег и проберусь в Сент-Джонс, где поброжу, послушаю, присмотрюсь к обстановке.

Дружный возглас удивления, словно порыв ветра, прошёл по капитанской каюте.

– К чему это ээп? – возмутился Дик, – Что нам до их политики? Да мы всем здесь надаём по бортам и, спрашивать не станем, кто за кого.

– Нэрт, что за бзик? – Дон Педро растерянно смотрел на капитана, – ты капитан! И ты желаешь пойти гулять по Антигуа, на котором, судя по имеющимся у нас сведениям, полно солдат, плантаций, и разного сброда?

– Вот именно, пойду в Сент—Джонс, пообщаюсь с людьми, и вообще, Дон, кто здесь капитан? Я решил. Корабль оставляю на тебя, заодно пройдёшься по островам и проливам,

восполнишь свои знания. А я с месяц поживу на берегу, зато буду конкретно знать, что и как, плюс налажу связи с местными буканьерами или контрабандистами.

– В общем-то, с тобой всегда было трудно спорить, – проворчал Дон.

– Вот и не спорь. То, что мы сейчас месяц или два потратим на разведку, нам окупится сторицей.

Дик, молча слушавший до сих пор, прищурившись, оценивающе смотрел на капитана. Когда Дон сдался, командир абордажников провёл широкой ладонью по столу и, повернувшись всем корпусом к капитану, заявил:

– А что ты, Нэрт, будешь делать, если тебя прикажут арестовать? Или, скажем, ночью тебе навертят свинчаткой, по твоей умной голове? Ты ведь, как я понимаю, один собираешься вживаться в роль мирного пилигрима?

– Но брать с собой несколько человек поддержки тоже рискованно, группа привлечёт внимание к себе гораздо быстрее, нежели один человек.

– Конечно, но один ты никуда не пойдёшь, даже если разжалуешь меня в матросы!

– Уж не хочешь ли ты сам со мной прогуляться? – улыбнулся Нэрт.

Такая перспектива Дика позабавила, но он был серьёзно настроен и, поёрзав на стуле, досадливо покряхтев, выложил свой козырь:

– Ты знаешь Тихоню Билли?

– Мм, матрос у тебя в команде, правда, не понимаю, чем он там у тебя прославился. Ведь я у него ни разу не видел, ни пистолета, ни шпаги или тесака, да и на вид – не силач. Но, раз он у тебя, значит стоит того.

– Да, стоит. Отрываю от сердца, можно сказать. Только он не матрос, он в море пошёл только потому, что я его позвал, да ещё потому, что на берегу для него стало неудобно последнее время. Я знаю его с детства. Однако прозвище своё, он получил за то, – Дик замаялся, подбирая слова, – что тихо подойдёт, тихо уйдёт, незаметный такой. А после него, только трупы остаются. Наёмный убийца он. Причём услуги его не дёшево стоили, да и обращались к нему далеко не простые люди. Я стал моряком, вот и абордажную команду теперь имею. А он всю жизнь отправлял на тот свет людей, и делал это тихо и незаметно. Да, не любит он пистолетов и прочей пальбы, не мастер он шпагой орудовать, но зато с ножами ему нет равных, он может бросить нож так, что одежда не колыхнётся. Лучшего телохранителя, чем профессиональный убийца, не найти.

– И что же такая импозантная личность делает у тебя в абордажной команде?

– Как что? Да он тихонечко идёт следом за нами и убивает. Знаешь, сколько он наших ребят за эти два абордажа спас таким образом? Билли не только опытный убийца, он умён и хитёр, как лис, и если ты собрался отправиться на берег, то только с ним. Он вообще может рядом с тобой не светиться, будет ошиваться по близости так, что ты и не заметишь, зато, если тебе и дадут по голове, можешь быть уверен, пока ты сидишь на земле и потираешь черепушку, те, кто тебя ударил, валяются рядом. – Дик ухмыльнулся и, окинув глазами интерьер каюты, вкрадчиво, заговорщицким тоном спросил:

– А может, рому?

Дон Педро вопросительно взглянул на капитана:

– Джолли Дик дело говорит.

– Про ром? – улыбнулся Нэрт.

– И про ром тоже, но если ты собрался топтать в Сент-Джонс, то, бери этого Тихоню с собой, всем нам спокойней будет.

– Хорошо, Дон, уговорили. Джолли, ты меня убедил, а что касается рома, – Нэрт выдержал паузу, глядя на боцмана, который хмурил брови, – то на всём корабле у нас осталась последняя бутылка, и то початая, у Мэта запасы кончились ещё позавчера.

Нэрт поднялся со своего места, и подошёл к винному шкафу. Вынув оттуда бутылку с ромом, в которой было чуть больше половины, он вернулся к столу, с усмешкой наблюдая, как волшебным образом в руках его офицеров появляются стаканы.

Антигуа

Когда солнце уже касалось краем верхушек деревьев, корабль Нэрта вошёл в залив Уиллоуби, острова Антигуа. Якорь с громким плеском ухнулся в Карибские воды. Все толпились у борта, жадно глазели на тропические заросли, полоса прибоя манила к себе моряков, которые последний раз ступали на твёрдую землю лишь в порту Плимута. Но капитан не собирался отпускать команду на берег. К спуску готовили шлюпку, и тем счастливицам, что собирались занимать места гребцов, завидовали все. Нэрт, боцман и Тихоня Билли рылись в оружейном складе, подбирая походный арсенал. Было решено взять с собой самое невзрачное оружие, Билли вполне обходился своими ножами, которые у него были всюду, Нэрт же решил вооружиться простым матросским тесаком и таким же невзрачным кортиком. Два мушкета, офицерскую шпагу, четыре пистолета, с запасами пороха и пуль решено было спрятать на берегу. Дон Педро, приняв командование галеоном, сидел в каюте Нэрта над картой Карибского моря, просчитывая дальнейший маршрут. Нужно было пополнить запасы воды и провизии.

Наконец, всё было собранно, Нэрт распрощался с офицерами и, осмотрев такелаж, скользнул через планшир фальшборта. Спустившись по штормтрапу в шлюпку, он молча взмахнул рукой, и матросы налегли на вёсла.

Шлюпка резво неслась к берегу, обгоняя ленивые волны, уже возле самой кромки песчаного пляжа она прорвалась через пенный прибой и выскочила на берег, разрыхляя килем прибрежный песок. Ещё за миг до этого несколько гребцов вместе с капитаном выпрыгнули прямо в воду, чтобы дружным рывком вытянуть шлюпку на последней волне как можно дальше.

Оставив на берегу одного матроса, Нэрт с остальными гребцами и Тихоней, веером разошлись по зарослям в поисках удобного места для тайника. Вскоре таковое было найдено недалеко от берега на крутом заросшем склоне. Вырыв приличную нору, матросы укрепили её досками и сложили туда оружие, вынутый грунт на заранее расстелённой парусине унесли к морю, чтобы высыпать в воду. Тихоня мастерски замаскировал тайник и довольно придирчиво рассматривал свою работу.

– Вроде бы, всё так же?

– Нормально, Билли, самим бы найти потом, мало ли, может ночью придётся сюда бежать?

Тем временем «Приватир» уже выбирал якорь, матросы карабкались по вантам, тропические сумерки опускались, поглощая горизонт и делая силуэт галеона всё менее заметным. В чернеющем небе рассыпались каскады ярких звёзд, Нэрт засмотрелся на уходящий корабль и наступающую ночь, даже не заметив, что Билли уже притащил с берега кучу сухого плавника и развёл костёр.

Подсев к разгорающемуся огню, капитан вынул кисет с табаком и принялся забивать трубку.

– Билли, Сент-Джонс на другой стороне острова. Я не силён в навигации по джунглям и, будь один, топал бы по берегу, пока не дошёл бы до порта. А ты что скажешь? Ты ведь не моряк и здесь должен чувствовать себя так же, как я на палубе.

Тихоня Билли изобразил на лице целую гамму различных выражений и эмоций, продемонстрировав не дюжинный артистический талант, пошевелил в костре угли и пояснил:

– Идти нужно через остров, искать воду там, где низины или овраги – там ручьи или реки, где вода – там дороги, а дороги всегда ведут к людям.

– Хм, логично, ну и куда мы можем так пойти? Мне не очень хотелось бы завалиться на плантацию здешних сквайров, вернее, даже не сквайров, а их жалких подопытных. Где рабы, там наглая охрана, которой всё позволено. Нас с тобой могут принять за бродяг и попытаться приобщить к сельскому труду, – Нэрт осклабился, – а там и до драки недалеко, но мне этого

не нужно. Я хочу попасть в город, и попасть в него, имея какое-то легальное обоснование для нахождения здесь.

– К сожалению, не имею здесь никаких связей. Но, если не торопиться и не гнать коней, то я думаю, можно влиться в общество, не поднимая волны. Надо посмотреть на месте и не светиться раньше времени.

– Что ты предлагаешь?

– Положись на меня. Дай мне возможность вжиться в образ, и всё пойдёт как по маслу.

– Во что вжиться?

– Так говорят, – Билли улыбнулся, – я всю жизнь играю разные роли, бываю торговцем и матросом, вельможей и светской дамой. Я могу быть или стать кем угодно в этой жизни, она, чертовка, меня этому научила, а всё потому, что свой завтрак и ужин я зарабатывал, выполняя кем-то оплаченный контракт. Так что, придём на место, пускай меня вперёд, как это у вас моряков говорится, как брандер. Я всё выясню, осмотрюсь и сообщу что к чему.

– Интересный ты человек, Тихоня Билли. Я не мало повидал разных людей, но таких вот, как ты, не встречал ни разу, – Нэрт саркастически улыбнулся, – вот общаюсь с тобой и не могу понять, к какому сословию тебя можно отнести? Ты явно образован, но не из приличной семьи, твои манеры, – Нэрт на секунду замаялся, подыскивая слова, – даже не знаю, что сказать...

– Нет у меня никаких манер, – на лице Билли не шевельнулся ни один мускул, словно слова произносила застывшая маска, – я просто наёмный убийца, бесстрастный и хладнокровный, как говорится. А все манеры – блеф, актёрство. Мне это нужно, чтобы подойти к жертве, будь он хоть у себя в доме, чтобы слуги, раскланивались передо мной и, ни у кого не возникло даже тени сомнения.

– А со мной? Ты тоже актёрствуешь? Моя жизнь, это – море, ветер в снастях, возможность вести мой корабль, куда я захочу. А что для тебя жизнь? Только убивать, притворяться?

Билли долго молчал, неподвижный, словно изваяние, наконец, медленно перевёл взгляд на капитана:

– Когда-то, очень давно, у меня возможно и был выбор, каким мне быть. Но я не хотел бы вспоминать прошлое. У меня во всём мире есть только один человек, которому я полностью доверяю, это мой друг детства Дик. Если бы я не встретил его, если бы не понял, каким человеком он стал, так и жил бы как тень, в мире, где все окружающие лишь никчёмные существа, одни из них платят, чтобы умерли другие. И я – невидимая, незримая рука рока. Исполняющая волю судьбы. Дик, вкатился в мой серый мир, словно раскалённое ядро, всколыхнув застоявшуюся лужу бытия, и я вдруг понял, что ничего не знаю об этой жизни. Я хочу научиться жить заново, не серой тенью, а так, как Дик, радоваться выпивке, удивляться. Дик, – верит в тебя, да я и сам вижу, что ты за человек. Я убивал за деньги. Теперь убиваю, чтобы жили вы, чтобы я успел понять вас, научиться у вас, как надо действительно жить.

Нэрта ошарашил этот монолог-исповедь, он во все глаза смотрел на Тихоню, не находя что сказать, понимая, что тот внезапно поделился с ним, наверное, самым сокровенным, открыл душу. Такие люди если и открываются кому случайно, то могут сразу же убить, чтобы душевная боль не стала достоянием посторонних.

Билли шевельнулся и, словно собака, повёл носом по воздуху, втягивая ноздрями ночной воздух:

– Ладно, капитан, ложись спать, а я, пожалуй, ещё пройду, хочу убедиться, что мы здесь действительно одни. – Билли серой тенью поднялся с земли и, словно призрак, растворился в темноте.

С раннего утра двое моряков продирались через густые заросли, остров удивил полным отсутствием рек, только мелкие ручейки пробирались в неглубоких оврагах, холмистый ландшафт украшали непривычные виды деревьев и кустарника. Везде, буйная зелень перемежалась не менее буйными красками цветов, от обилия которых казалось, что моряки попали в сказоч-

ный сад. Несколько раз они выбирались на чистые от джунглей места, но это были плантации табака или сахарного тростника. Приходилось то и дело огибать эти места стороной. К городу моряки подошли только на третий день, уставшие, в слегка изорванной ветвями и колючками одежде, залегли в густом кустарнике, чтобы осмотреться. Билли вызвался пробраться в город ночью и вернуться через пару деньков. Нэрт не возражал, и товарищи принялись обустроить место для ночёвок.

Когда ночью Билли ушёл в сторону города, Нэрт не усидел на месте, деятельная натура требовала действий и информации. Словно вор, крадучись и поминутно прислушиваясь, он двинулся вдоль черты города к морю. Почему-то казалось, что там надёжней и, в случае чего, можно уйти в плавь от погони. Добравшись до морского берега, Нэрт долго сидел в тени кустарника, присматриваясь и прислушиваясь. Город манил своей новизной, в порту не видно было больших кораблей, покачивались в лунном свете несколько мачт мелких рыбацких лодок, но причал был освещён фонарями.

Нэрт понял всю несостоятельность своего положения, он был моряком, капитаном королевского флота, ему не в диковинку было идти на ружейный залп, ведя на бордаж своих людей, он знал, как драться в тесном трюме, когда никакие приёмы фехтования не могли обеспечить преимущество в дикой свалке. Но здесь, в качестве лазутчика, он терпел полное фиаско, это раздражало и злило, но что делать дальше, Нэрт не знал, и ему пришлось так же осторожно возвращаться назад.

Ночь и день Нэрт валялся в кустах, скрипя зубами от досады. Всё оказалось не таким простым, как он надеялся. Это раньше он мог войти в любой английский порт, смело шагать по улицам города. Теперь – капитан пиратского корабля, вне закона, что он скажет солдатам? Врать он никогда не умел и, понимая, что разведчик из него никакой, досадливо грыз сухари из дорожного припаса.

Следующей ночью его разбудил Билли, осторожно толкнув в плечо.

– Ну что, капитан? Все бока тут отлежали поди?

– Билли! Вернулся! – Нэрт обрадовался возвращению Тихони, понимая, что без него он здесь ничего не может придумать.

– Тише! – Билли прилёг рядом на ворох пышных ветвей, аккуратно положив возле себя объёмистый мешок.

– Ну, рассказывай, что там?

– Всё нормально, Нэрт, – Билли улёгся на спину и хитро улыбнулся в лунном свете:

– Одежду принёс и продуктов, нам ещё несколько дней здесь гулять придётся, пойдём на встречу с местными контрабандистами.

Билли подробно рассказал, как вышел на нужных людей, побродив по тёмным переулкам портового квартала, и уже утром его отвели к главарю местной шайки контрабандистов.

– Я не стал говорить им, что вы капитан – это лишнее. Сказал, что наш капитан высадил нас здесь, чтобы завести связи. Пираты в этих водах не редкость, особенно французы и голландцы, а весь обмен товарами происходит через рейсы пакетбота.

У местных, конечно, имеются свои взгляды на наш корабль, но так как мы как бы просто посыльные, то с нами особо делиться планами не будут. Но помощь окажут, пока это в их интересах.

– Ну и что нужно делать?

– На этой неделе вся колония ждёт корабль из Бриджтауна, капитан на нём перевозит для контрабандистов их товары, имея за это свой процент. Встречают они его в бухте Норт, там мы поднимемся на борт, но расплачиваться с капитаном придётся нам, за нас лишь замолвят словечко. Затем, уже на корабле, мы вполне легально прибудем в Сент-Джонс, как пассажиры из Барбадоса. Дальше уже сами смотрите, что вам надо там вызнать.

– Значит, расплачиваться с капитаном говоришь, – Нэрт на минутку задумался. – Ну, я найду для него приемлемую цену, думаю, опека моего галеона для него дороже золота.

Утром Нэрт вытряхнул из мешка принесённую Билли одежду, но Тихоня заметил, что лучше переодеться в условленной бухте, чем трепать обновки по кустам. Одежда не имела ничего общего с тем покроем, что носили моряки, исключительно городской наряд. Подкрепившись перед дорогой, друзья двинулись в лес. До бухты Норт путь был не близким, но Билли объяснили, как найти нужные ориентиры и как идти.

К вечеру следующего дня они вышли к морю в назначенном месте. Бухта Норт оказалась довольно уютной, глубоко врезанной в сушу. Прямо напротив бухты в море виднелась группа небольших островов. Возле берега, уткнувшись в него скошенными носами, стояли две вместительные лодки. Там же, расположилась довольно пёстрая компания, совсем не похожая на рыбаков. Дюжина человек, похожих на пиратов или разбойников, вооружённые тесаками, саблями и прочими видами холодного оружия, чего-то ожидали, общаясь меж собою и насто-роженно посматривая по сторонам.

Не торопясь, окидывая взглядом прибрежные заросли, Нэрт и Билли подходили к этой группе, готовые к любой неожиданности. Контрабандисты сразу заметили появление моряков. Среди собравшихся на берегу людей, опираясь на лодку, находился главарь этой честной компании. Остальные несколько разошлись в стороны, освобождая место в центре.

Нэрт подошёл к лодкам и, сбросив с плеча мешок с одеждой, вопросительно посмотрел в глаза сухошавого, жилистого мужчины с лицом, изрезанным множеством морщин. Минутная дуэль взглядами, невидимый бой двух характеров. Нэрт понял, что перед ним действительно сильная, волевая личность, способная руководить и рассчитывать, но и вожак контрабандистов, в свою очередь, остался доволен первым впечатлением. Сухо улыбнувшись, он оттолкнулся от лодки, на которую облакачивался, и шагнул к Нэрту, протягивая руку, для рукопожатия:

– Приветствую в нашей бухте. Вы умеете производить впечатление, я это оценил ещё в городе, когда Билли, – он взглянул на Тихоню, – уломал моих парней привести его ко мне. Меня зовут Хэнк, на этом острове я один решаю, какой товар попадёт к покупателям и по какой цене. Конечно, я имею в виду наши товары, – он усмехнулся, – которые запрещены губернатором.

– Приветствую, моё имя Нэрт, – представился капитан, крепко пожимая руку главаря, – надеюсь, в наших планах ничего не изменилось?

Общее напряжение, которое возникло и нависло над людьми при встрече, словно лопнуло. Люди оживились, руки готовые схватиться за оружие, зашарили по карманам в поисках кисетов и трубок.

– Нет. – Хэнк хитро усмехнулся, и морщины на его лице стянулись к уголкам прищуренных глаз и уголкам губ, – корабль должен появиться сегодня ночью или завтра, если ничего не задержало его в пути, а золото, – он оценивающе взглянул на мешок с одеждой, который Нэрт сбросил с плеча, – принесли? Капитан пакетбота жадный тип, никогда не упустит своей выгоды. Он с вас запросит уйму соверенов, хотя дело не стоит и шиллинга.

– У меня есть кое-что лучше золота, – сказал Нэрт, пристально глядя в глаза Хэнку.

– В самом деле? И что же это?

– Возможность и дальше ходить по архипелагу, не боясь быть потопленным, – Нэрт осклабил улыбку, которая появлялась у него, когда дело доходило до абордажей или когда пушечные ядра и книппеля ломали и рвали такелаж на его корабле.

– Ого. – Прищурившись и приподняв подбородок, Хэнк оценивающе взглянул на Нэрта, – я вижу, нас ждут перемены? Вы, значит, два простых матроса, уполномоченные своим капитаном на ведение переговоров?

– Так и есть.

– Ну-ну, только мне кажется, скоро я узнаю правду, – Хэнк с хитрецей посмотрел в глаза Нэрту.

– Обязательно, – Нэрт в свою очередь улыбнулся, понимая, что Хэнк уже догадывается, что перед ним не простой матрос.

Хэнк повернулся к своим людям:

– Отправляемся на наше место, наши гости идут с нами.

Контрабандисты сноровисто столкнули лодки в воду, на ходу забираясь в них, Нэрт и Тихоня Билли поспешили присоединиться. Лодки отвалили от берега и, выбравшись за полосу прибоя, развернулись к дальнему мысу.

– Там мы ожидаем пакетбот, – крикнул Хэнк с носа лодки Нэрту, – они всегда проходят там, между мысом и островами, приспустив паруса и всегда только ночью, чтобы удобней было без лишних глаз проворачивать наши делишки.

Нэрт понятиво кивнул, наслаждаясь солёным ветром и привычной качкой.

Миновав скалистую часть мыса, словно острый зуб, врезающуюся в море, лодки повернули к островам.

Высадившись на каменистый берег островка, люди Хэнка занялись своим привычным делом, несколько человек исчезли, заняв наблюдательные места, остальные, затащив лодки между прибрежных камней таким образом, чтобы с моря их не было видно. Костры по всей видимости здесь не разводили, контрабандисты тщательно следили за тем, чтобы не оставлять следов своего присутствия.

Усевшись среди камней, Нэрт и Хэнк продолжили знакомство. Нэрт задавал вопросы, Хэнк рассказывал о жизни колонии и, в свою очередь, интересовался делами и новостями из Европы. К ночи все, кроме наблюдателей, дремали среди камней. Нэрт и Билли переоделись в одежду городских обывателей, и если у Тихони не возникало вопросов, куда ему деть свой арсенал, то Нэрт не мог решить, куда ему засунуть матросский тесак. Для одежды такого покроя и фасона, для городского обывателя мог сгодиться палаш или шпага, но тесак явно не подходил к наряду. Кортик Нэрт спрятал под камзолом, а тесак вертел в руках, не зная как поступить. Билли искоса наблюдал за попытками капитана приспособить оружие и сдерживал улыбку. Наконец, он не выдержал:

– Давай его мне, Нэрт, я спрячу так, что не будет видно, а при необходимости брошу его тебе в руки.

Билли повертел в руках тесак, и тот таинственным образом исчез в полах его редингота.

Ночью их разбудил протяжный свист. В темноте люди как тени сновали между валунов, слышался скрип спускаемых на воду лодок. Нэрт и Тихоня старались держаться рядом с Хэнком. Когда лодки уже покачивались в мерцающей светящемся планктоном воде, Хэнку сообщили о замеченных огнях в море.

По всей видимости, это шёл корабль из Барбадоса, как и положено, медленно, приспустив паруса и с условленным сигнальным фонарём под бушпритом. Контрабандисты сноровисто забрались в лодки и налегли на вёсла, борясь с накатом. Выйдя в пролив, откуда уже было прекрасно видно топовые огни двух мачтового брига, лодки понеслись на перехват. Обменявшись приветствиями, Хэнк полез по штормтрапу на борт, предупредить капитана о неожиданных пассажирах, контрабандисты тем временем принимали в лодки, спускаемые с борта тюки с товарами. Когда уже весь груз был принят, у фальшборта пакетбота появился Хэнк, он скользнул в лодку по спущенному канату и, хлопнув по плечу Нэрта, сообщил:

– Поднимайтесь на борт, капитана зовут Питер Дамфи, он вас ждёт.

Нэрт приятельски хлопнул Хэнка по плечу и, поймав раскачивающийся в темноте штормтрап, поднялся на борт пакетбота. Даже ночью, при свете фонарей, опытный глаз моряка

мог заметить, что судно знавало лучшие времена. По скрипу такелажа и рангоута Нэрт определял застарелые болезни корабля, наспех починенный гик и изломанные края фальшборта, расщеплённые ядрами. Во всём чувствовалось, что корабль частенько попадает в переделки и латается наспех в море. С чувством уважения к такому кораблю Нэрт направился в сторону юта, высматривая на палубе капитана. На шканцах их поджидали трое, капитан Питер Дамфи и, судя по всему, его старший офицер, а также крепкий матрос с фонарём в руке.

– Приветствую, джентльмены, Хэнк поручился за вас, и только поэтому я согласился принять вас на борт, чтобы высадить в Сент—Джонсе. Хотя не понимаю, для чего, и мне очень не хочется впутываться в шпионские дела, а всё очень похоже именно на это.

– Доброй ночи, капитан, – Нэрт чувствовал себя в родной стихии, находясь на покачивающейся палубе, – я готов всё объяснить и, думаю, вы поймёте, что сейчас можете заключить выгодную сделку.

Несколько помедлив, Дамфи пригласил гостей в свою каюту.

В капитанской каюте, на минуту воцарилась напряжённая тишина.Guestы внимательно рассматривали, матрос находился здесь явно не для того, чтобы освещать помещение, в котором и так уже горело два подвешенных к потолку фонаря.

Как и старший офицер, он готов был по сигналу своего капитана в любой момент броситься на незваных гостей. Тихоня прислонился к переборке и сделал вид, будто оттирает мнимое пятно со своего редингота, и только Нэрту было понятно, что вся эта возня с одеждой может закончиться шелестом летящих ножей.

– Итак, – капитан Дамфи в упор смотрел на Нэрта, – вы говорили о выгодной сделке?

– Именно о сделке и именно выгодной, капитан, – Нэрт смотрел в глаза Дамфи без затей и нажима, так, как смотрят в морскую даль.

– Меня зовут капитан Нэрт. Возможно, вы слышали обо мне, я всю жизнь отдал королевскому флоту, и вот, обстоятельства вынудили меня появиться в этих водах под чёрным флагом. Мой галеон курсирует неподалёку от Антигуа, но прежде чем ложиться на боевой курс, я хочу определить для себя, кто в этих морях будет мне врагом, а кто союзником. Поэтому высадился на острове, познакомился с Хэнком, а теперь с вами.

По состоянию вашего корабля я могу судить, что навигация в этих водах для вас не является лёгкой прогулкой. Я предлагаю вам помощь в расчистке фарватеров от ненужных рифов, иными словами, мои пятьдесят две пушки могут значительно сократить количество флагов в этих морях, остаётся определиться, кого топить и с кем дружить. Вы мне – сведения и лояльность, я вам – защиту.

Наступившую после слов Нэрта тишину нарушал лишь скрип фонарей, раскачивающихся под потолком. Капитан Дамфи выдержал этот поток откровенности, не изменившись в лице, в то время как у его старшего офицера просто глаза на лоб полезли от удивления. Как же, у них на борту два пирата, толкующие о каких-то условиях, о какой-то защите, их место на рее.

Не торопясь, Дамфи придвинул к столу стул и, усевшись на него, ещё раз внимательно осмотрел своих гостей.

– Я слышал о вас, если вы действительно тот самый капитан Нэрт. Мой кузен ходил к берегам Африки и рассказывал о вас, во всяком случае, – Дамфи помедлил, – всё это как-то неожиданно, вы ведь блестящий морской офицер флота Его величества, я не понимаю, для чего вам поднимать чёрный флаг? Или у вас на руках имеется корсарский патент?

– Нет, я пока сам по себе.

– И у вас хватает смелости подниматься на борт английского корабля и заявлять о том, что вы – пират?

– Ну, вы же видите, – Нэрт дружески улыбнулся.

Дамфи обвёл взглядом каюту, наконец, откинувшись на спинку стула, глядя прямо в глаза Нэрту, произнёс:

– А если я прикажу вас арестовать? Связать, заковать в кандалы, вздёргнуть на рею, чёрт возьми, а? Что вы мне тогда скажете капитан Нэрт, или кто вы на самом деле?

Матрос, загораживающий выход из кают-компания, напрягся и как-то весь подобрался, словно кошка, готовая к прыжку, старший офицер, прищуря глаза и плотно сжав тонкие губы, сдвинул левой рукой офицерскую шпагу так, чтобы удобней было выхватывать.

Нэрт улыбался, сейчас он чувствовал себя игроком, идущим ва-банк.

– Дамфи, я достаточно видел на этом свете капитанов, и вы мне симпатичны, мне не хотелось бы становиться причиной вашей гибели. Вы ходите в этих морях, убегая от испанских и пиратских парусов, вы надеетесь на попутный ветер, хороший ход, на поддержку военных кораблей королевского флота, которого как всегда нет по близости в нужную минуту? Вы в праве меня арестовать или повесить, но должны понимать, что, если бы, это было так просто сделать, я не появился бы у вас на корабле.

Дамфи пристально смотрел Нэрту в глаза, что-то решая, наконец, он вынул трубку, кiset с табаком, скрывая свои сомнения, принялся старательно уминать табак в трубке. Нэрт ждал ответа, понимая, что именно сейчас будет всё решено, и уже чувствовал, что Дамфи осознаёт выгоду от такого союза.

В напряжённой тишине голос Дамфи отдавал хрипотцой, от волнения. Видимо, ему не легко давалось это решение:

– Я вынужден принять ваше предложение, но не потому, что чего-то там испугался или вы внушаете мне какие либо опасения. Но мне не приятно принимать дружбу пирата.

– А дружба с контрабандистами вам приятна?

– Нет! Чёрт вас задери! Но это колонии! И здесь каждый пытается заработать, как умеет! – Дамфи забыл про трубку. Он понимал, что связи с контрабандистами не делают ему чести, хотя и приносят своего рода прибыль, но тщательно отгораживался в душе от того факта, что он, капитан английского флота, запятнан столь сомнительными делами.

Нэрт ждал продолжения, не шелохнувшись, прислушиваясь к звукам за спиной – там нервно сопел матрос, и это немного нервировало. Хотя Тихоня Билли не допустил бы неожиданного нападения, но, тем не менее, было не по себе чувствовать тяжёлый, буравящий взгляд чужих глаз у себя на затылке.

– Я принимаю ваше предложение, – повторил Дамфи после минутной паузы, – потому что у меня уже в печёнках сидит этот Гарсиа со своим галеоном. Я, словно вор, вынужден пробираться меж островов, постоянно глядя на горизонт, не появится ли там его парус. Если вы потопите его и разгоните по шхерам всю рвань, которая возомнила себя хозяевами здешних вод, я готов на союз с вами. – Дамфи пристально смотрел в глаза Нэрта и, глубоко затянувшись, переспросил:

– Чем вы можете доказать, что вы и есть тот самый капитан Нэрт, о котором я слышал?

– Ничем, кроме того факта, что я стою в вашей каюте, но, если вам интересно послушать о моих африканских приключениях, – Нэрт улыбнулся, – так для этого нам придётся выпить не мало рома.

Дамфи понимающе кивнул головой:

– Да, время покажет, кто вы есть на самом деле. Во всяком случае, Хэнк за вас поручился. Я высажу вас в Сент-Джонсе и, буду ждать, вечером, в таверне «У слепого пирата», – Дамфи криво ухмыльнулся, – между прочим, губернатору это название нравится, он говорит: «вот так и должно быть, чтоб им всем ослепнуть».

Сент-Джонс

Бросив якорь в бухте Сент-Джонса, прибывший из Барбадоса бриг, словно уставший кит, закачался на прозрачных, хлюпающих в борта волнах. Вокруг сновали рыбацкие лодки, ловя ветер полотнищами косых парусов, от берега к прибывшему кораблю стремительно неслась шлюпка с представителями порта и почтовым служащим. Команда сновала по палубам, готовя корабль к разгрузке и, по всей видимости, к капитальному ремонту. Нэрт и Билли стояли у фальшборта на полубаке, стараясь никому не мешать. По договорённости с капитаном Дамфи, на берег они отправятся в капитанской шлюпке вместе с ним.

Сент-Джонс, форпост британского присутствия на Антигуа, напоминал причудливую смесь портового городка и крепости одновременно. Здесь всё было построено так, чтобы при необходимости сдерживать атаки неприятеля, как с моря, так и со стороны островной части. Бухта прекрасно простреливалась орудиями из форта, улочки каменных домов изгибались причудливыми лабиринтами, в которых можно было возводить баррикады и сдерживать атаки. По городу в основном расхаживали солдаты и офицеры. Только в портовом районе наблюдалась оживлённая суeta, возле рыбного рынка и возле причалов, ибо приход корабля являлся для жителей Сент-Джонса значительным событием.

Нэрт всё утро совещался с Билли, чем им придётся заниматься в Сент-Джонсе. Было решено, что они сойдут на берег как познакомившиеся во время плавания пассажиры. Тихоня снова найдёт людей Хэнка и будет поддерживать с ними связь.

Вечером Нэрт заглянул в таверну «У слепого пирата». Конечно же, ни к каким пиратам эта таверна отношения не имела, здесь собирались матросы и местные рыбаки.

Так как Питера Дамфи ещё не было, Нэрт присел за один из общих столов, где спокойно поужинал, не привлекая к себе внимания. Хотя сосед по столу и пытался завязать с ним беседу по поводу цен в Бриджтауне, но Нэрт так трудился над своей миской, что любопытный сосед отстал.

Дамфи появился довольно поздно, когда большая часть посетителей, изрядно набравшись, гудела как пчелиный улей. Нэрт пробрался к столу, за которым примостился Питер, и уселся рядом. В таком гамае можно было не бояться говорить, так как для того, чтобы слышать друг друга, нужно было чуть ли не кричать в ухо собеседнику.

– Задержался у губернатора, – сообщил Дамфи, – он устроил пышный ужин в честь нашего прихода. Собралась вся местная знать, комендант форта и прочие. Но кое-что вас непременно может заинтересовать.

Дамфи загадочно улыбнулся и, весело посмотрел на Нэрта:

– О вашей персоне здесь уже известно. Губернатор получил особые распоряжения в отношении вас, – Дамфи не сводил взгляда с Нэрта, стараясь подметить его реакцию, – ему поручено арестовать капитана Нэрта, как только он здесь появится, и отправить в Англию с первым кораблём. Вот так. Вы ещё только добрались до Антигуа, а для вас здесь уже заготовлены кандалы.

– Впечатляет!

Нэрту от таких новостей стало тоскливо, он понимал, что, подняв чёрный флаг, проводит черту между прошлым и будущим, но такой скорой реакции на свой поступок не ожидал. По всей видимости, не обошлось без участия старых недоброжелателей из адмиралтейства.

– Но не стоит отчаиваться. Я вам уже говорил, что здесь – колония, а наша добрая старая Англия далеко, за Атлантикой. Губернатор получил распоряжения, но для того, чтобы их выполнить, он должен иметь возможность, а главное – желание вас арестовать. Думаете, ему просто здесь руководить? Здесь, можно сказать, несколько ветров, дующих в паруса местного управления. Плантаторы желают, чтобы в их дела никто не вмешивался, и всеми правдами и,

неправдами наводят свои тёмные связи со всеми, кто может им быть полезен. Комендант форта хочет, чтобы всё было по закону и, как должностное лицо, требует ужесточения и дисциплины. Плюс ко всему пираты, которых полно в этих водах.

Французы, голландцы, испанцы, которые хуже пиратов, ибо позволяют себе всё, даже не поднимая чёрный флаг, они считают здесь всё своим и бросаются на любой корабль, если на нём нет испанского флага. Вы единственный пират, – при этих словах Дамфи понизил голос, словно опасаясь, что даже в этом шуме их могут услышать, – английский пират, который имеет представление о чести и достоинстве, вы не бросаетесь на слабый торговый корабль, наслаждаться вседозволенностью. Вы берёте на бордаж военный галеон! И не бойтесь подняться на борт английского корабля почти в одиночку с заявлением о союзе. Я тоже многое повидал и скажу вам, что пока я склонен поддерживать с вами дружеские отношения – во всяком случае, пока до меня не дойдут сведения о ваших бесчинствах в отношении англичан.

Нэрт понимал, что его пиратская история не совсем похожа на десятки других случаев. Когда мятежные команды выбрасывали ненавистного капитана за борт и поднимали «весёлого Роджера», или сам капитан, отчаявшийся разбогатеть законными способами, объявлял команде о своём желании немножко пограбить – и в море появлялись ещё один чёрный флаг и команда, превращающаяся в пьяный сброд. Хотя чёрный вымпел и позволяет многие вольности, но, может быть, в Англии кое-кто поймёт, что капитан Нэрт стоит намного дороже, нежели его оценили, когда списали из флота.

Дамфи отпил добрый глоток эля и, искоса глядя на Нэрта, спросил:

– У меня на корабле вы упомянули о своих африканских приключениях, мой кузен рассказал мне одну историю о ваших делах в тех водах. Но я, право, не знаю, как эта история может иметь отношения к вам. О вас говорят как о превосходном капитане, блестящем офицере, в общем, вы всегда были во флоте примером для подражания, на вашу карьеру ссылаются до сих пор в разговорах, и тут такой случай, что не совсем соответствует общей картине.

– Да? Какой случай?

– Случай с французским кораблём, на котором вместо парусов на реях болтались повешенные, изрубленные французы.

Нэрт помрачнел, это была не самая интересная история его жизни, и вспоминать её ему было всегда мучительно и неприятно. Тем временем Дамфи не унимался, его интересовало всё, связанное с Нэртом, так как вопрос о дружбе и сотрудничестве между двумя капитанами для него был уже решён:

– Так что там произошло? Томас рассказал мне о том, как они встретили возле побережья этот корабль и чуть не наделали в штаны от страха. Некоторые матросы уверяли, что это корабль мертвецов или корабль—призрак, в общем, вспоминали всяческие байки, на вроде того, что подходить к этому кораблю нельзя. Но Томас храбрый малый, он подошёл поближе, и тогда с борта этого плавучего могильника в море прыгнул человек и поплыл к ним. Это был единственный выживший из французской команды, он чуть не сошёл с ума там, и он рассказал, что их остановил военный корабль под английским флагом. Французы вели себя мирно, и англичане, встав борт к борту с их кораблём, занялись банальным осмотром. Сам этот счастливчик, сидел на салинге, и его англичане не заметили, а его, как он говорит, что-то, словно удерживало спускаться в низ. Вдруг, с его слов, англичане набросились на его товарищей и убили всех, затем развесили убитых на реях рядами вместо парусов. Этот бедолага, просидел на салинге до тех пор, пока англичане не скрылись за горизонтом, и только тогда смог спуститься. А к вечеру мимо проходил корабль моего кузена Томаса, и он, прыгнув за борт, поплыл к нему.

– А про негров, этот француз ничего не рассказывал? – хмуро переспросил Нэрт.

– Про негров? Нет, а при чём тут негры?

– Притом, что трюм этого корабля был битком набит живыми людьми, они там сидели друг на друге и даже перемещаться не могли от тесноты. Да, это были негры, обманутые дикари, которых ждали плантации. И хоть политика европейских государств допускает рабство, однако лично я не политик, а моряк и отношусь к работорговле с презрением. А этот француз, – взгляд Нэрта полыхнул, словно адская бездна на мгновение готова была вырваться из глаз, затопив всё окружающее тьмой, – на мой вопрос, зачем он загнал в трюм столько негров, просто посмеялся. Он сказал мне, что они всё равно не доживают до колоний, из сотни рабов живыми остаются не больше трёх десятков. И чтобы не кормить живой товар, он набивает полный трюм, чтобы негры ели там друг друга. – Нэрт посмотрел в глаза Дамфи, и того передёрнуло от взгляда его собеседника. Пустой взгляд не предвещал ничего хорошего, словно два глубоких колодца, из которых в любой миг зеркальная поверхность воды может выплеснуть в мир демонов преисподни.

– Я не знаю, что на меня нашло тогда, словно тьма опустилась. Была – гнусная рожа этого французца, и была бешенная, ярость. Было намерение изрубить его в мелкие кусочки, такие мелкие, чтобы даже хоронить было нечего. – Нэрт покачал перед собой кружку, наблюдая за плесканием эля в ней, – я изрубил его в куски, и продолжал их рубить на палубе, словно мясник, а когда очнулся, и пелена безрассудства схлынула. Я увидел, что все французы мертвы. Джолли Дик, мой офицер, расценил мои действия как сигнал к бою. Мне потом говорили, что я словно всех заразил своим безумием. Французы даже не сопротивлялись, а мои люди схватились за оружие. Потом, ещё не совсем отойдя от этого наваждения, я приказал развесить всех убитых на реях, рядами, а куски изрубленного капитана свалить в парусиновый мешок и подвесить на бушприте. Но я не люблю вспоминать этот случай. Мне не хочется возвращаться в ощущения того тёмного омута ярости, в котором пришлось побывать.

Дамфи понимающе покачал головой.

– А что с неграми?

– А негров я выпустил. Подвёл корабль ближе к берегу и всех отпустил, они добрались до берега в плавь. Я думал, что и корабль выбросит на берег, но, как видно его отнесло в море, раз ваш кузен его встретил.

– Вот так и рождаются легенды о кораблях с мертвецами, – усмехнулся Дамфи.

– Лучше давайте я расскажу вам, как удерживал флот из восьми каравелл и трёх десятков фелюг в устье Конго. Вот это действительно было славное дельце.

Нэрт принялся подробно рассказывать о славных баталиях, особенностях африканских морей, климата и местной навигации. Капитаны засиделись до глубокой ночи, и вышли на улочку Сент-Джонса в обнимку, придерживая друг друга, так как основательно перебрали.

Утром Нэрт проснулся в кубрике брига. Он смутно помнил, что вместе с Дамфи они сели в шлюпку и потом поднимались на борт. Выбравшись из гамака, Нэрт побрёл на палубу, где уже во всю кипела работа. Кругом извивались длинными змеями канаты, свёрнутыми рулонами лежала парусина, матросы вместе с местными мастеровыми занимались ремонтом. Постучав в дверь капитанской каюты, Нэрт толкнул её и прошёл к капитанскому столу. Дамфи уже не спал, но продолжал валяться на своей койке.

– Привет, Питер, неплохо мы вчера набрались, – Нэрт пошарил глазами по каюте в поисках питья.

– Там. – Дамфи, не вставая с койки, показал на шкафчик, – Там ещё что-то осталось.

Нэрт добрёл до шкафчика и, отворив створки, молча уставился на ряд пустых бутылок.

– Нет здесь ничего.

Дамфи с видом философа закатил глаза, рассматривая бимсы на потолке. По всей видимости, пытался вспомнить, где у него ещё могла бы быть значка, наконец, потеряв пятернёй лицо, многозначительно изрёк:

– Придётся пить воду.

Нэрт закрыл створки и, пошатываясь, двинулся к стулу, ему было всё равно, что пить, только бы залить этот засушливый зной в теле.

К полудню работа на палубе поутихла, стук молотков и прочий ремонтный шум сместился в трюм. Над Антигуа царственно раскинулось синее небо без единого облачка, разогретый воздух лениво намекал на вялое подобие лёгкого дуновения, зачастую замирая в полном штиле. Все старались приткнуться в тень, только самые стойкие, обвязав головы мокрыми платками, продолжали работать под палящим солнцем.

Капитаны сидели в каюте. Нэрта интересовало, где ему добрать команду.

Выходило, что лучший вариант – идти на Ямайку, которая теперь стала новым прибежищем пиратов. Дамфи поведал, что среди местных пиратов вполне можно нанять толковых моряков. Но, если у Нэрта на корабле серьёзная дисциплина, то ему придётся сразу ставить в известность новых матросов. Местные флибустьеры погрязли в пьянстве и мотовстве. В Порт-Рояле им в этом потворствуют и наливают в долг, а вот долги отдать удаётся не всем; если добыча неделями не идёт в руки, то флибустьеры не торопятся обратно, отсюда возникают раздражения капитанами, бунты, выборы нового капитана. В Порт-Рояле хватает беспалубных пиратов, готовых наняться хоть на фелюгу, лишь бы заняться морским разбоем и погасить свои долги.

Нэрт также подробно расспрашивал о самих островах, где пролегают курсы кораблей, какими силами располагают на островах. Дамфи расстелил на столе свою карту и, сопя от негодования, показывал, где ненавистный всем испанец Гарсиа подстерегает его пакетбот. Воны между Англией и Испанией нет, но испанцы мнят себя хозяевами здешних вод, их раздражает, что Англия, Франция и Голландия, обзаводиться колониями на архипелаге. По этому, в открытом море, испанцы ведут себя нагло, и если есть возможность утопить какой либо корабль, то не проходят мимо.

– Этот испанский лис – «тёртый сухарь», если бы удалось его отправить на дно, здесь стало бы легче дышать. Ямайские пираты и те не связываются с ним. Мне приходится бегать от него. Как только замечаю на горизонте краешек марселей, сразу меняю курс, и мне всё равно, он это или кто другой, приходится уходить под всеми парусами. Вот такая у нас здесь навигация.

Нэрт размышлял над полученными сведениями, он уже понимал, что на этом пока достаточно, пора на корабль, главное, суть происходящих событий он ухватил, остальное приложится.

Открывать Дамфи место и время randevу со своим кораблём он не хотел. И чтобы не тащиться снова через весь остров, решил поговорить с Хэнком.

К вечеру Нэрт сидел в таверне, лениво ковыряясь в миске и посматривая по сторонам. Билли появился неожиданно, словно материализовался из воздуха:

– Ваше здоровье, капитан.

Нэрт осторожно осмотрелся на всякий случай и, скосив глаза в сторону Билли, шепнул:

– Найди Хэнка, скажи, что нам пора на корабль. Не хочется топтать снова через весь остров. Пусть отвезёт нас на наше место в залив Уиллоуби.

Тихоня кивнул и, допив эль, поднялся с места. Нэрт проводил его взглядом до выхода, удивляясь невероятным способностям своего товарища. Засиживаться в таверне не хотелось, и он вышел на мощёную улочку, чтобы пройтись напоследок по Сент-Джонсу.

Городок был небольшой. Левее от центральной части порта на стапелях собирались несколько небольших судёнышек, вокруг которых дыбились горы брёвен. За каменными домами, среди оград и буйной зелени, возвышались резиденция губернатора и ещё несколько особняков местной знати. Ближе к окраинам дома мельчали, частично каменные, частично

деревянные, возле городской стены уже лепились друг к другу бревенчатые бараки и прочие лачуги.

Пройдясь по торговым лавкам, Нэрт направился к морю, там, среди десятка рыбацких лодок, подсел к кучке местных рыбаков, где и засиделся допоздна, расспрашивая о море, рыбалке и особенностях местных рифов.

К ночи его разыскал Тихоня и сообщил, что лодка уже готова, их ждут за верфью. Нэрт пожелал рыбакам удачного лова и двинулся вдоль берега следом за Билли. В лодке было тесновато – контрабандисты везли и свой груз.

На место они прибыли уже засветло. Нэрт хотел сразу идти к месту тайника и достать оружие, но Билли почему-то насторожился и воспротивился. Полагаясь на его чутьё, Нэрт не стал возражать, лишь более внимательно смотрел по сторонам, не находя причин для беспокойства. До тайника с оружием было прилично, но Тихоня угрюмо отказывался идти в ту сторону.

– Если ты что-то заметил, чего я не вижу, так скажи прямо! – Нэрт тихонько бесился про себя. – Там засада? Люди? Что там? Если нет ничего, кого нам опасаться?

– Вот именно, что там всё нормально. Но, – Тихоня перешёл на шёпот, – я спиной чувствую чьи-то глаза, так что рано нам расслабляться и тем более вести кого-то к оружию, тем более что я уже знаю, как нам использовать наш тайник.

Нэрт вопросительно приподнял бровь, а Билли уже распоряжался, давая указания:

– Всё. Нас обложили. Мы с тобой два пирата, знающие о зарытом здесь бочонке с золотыми, прибыли, чтобы втихаря его прибрать, но сейчас поссоримся. Я буду кричать, что делиться ни с кем не надо и нужно идти и брать золото. Ты упирайся, я нападу на тебя и как бы придушу. Оставайся лежать, пока они не подойдут, я убегу и буду ждать возле тайника. Веди их туда, как подойдёте – падай на землю. – Билли резко вскочил и, потрясая руками, с надрывом заблажил на всю округу:

– А мне всё равно! Я не хочу ждать какого-то Хэнка, золото наше! Мы договаривались делить на двоих!

Нэрт пытался сообразить, что ему нужно делать, но Билли ринулся на него, вцепившись руками в горло, и в глазах у Нэрта всё подёрнулось серой дымкой. Он почувствовал, как Билли отпустил его и куда-то метнулся, но все звуки и ощущения доносились до него словно издалека. Падение на землю казалось бесконечным.

Однако сознание начало возвращаться из этого беззвучного марева, как только он упал в колючую траву. Нэрт перевернулся на живот и попытался встать, мотая головой. Его несколько сбивало с толку всё произошедшее. Билли наговорил кучу ерунды, да ещё и чуть не придавил своего капитана. Но все сомнения рассеял тычок мушкетного ствола в спину, и грубый голос зловеще пообещал смешать потроха Нэрта со свинцом, если он попытается встать.

Нэрт послушно плюхнулся в траву и, повернув голову, ошарашено смотрел на пёстро одетую компанию, вооружённую до зубов. Четыре мушкетных ствола покачивались возле него, и у Нэрта не возникало сомнений, что с виду расслабленные головорезы не намеренны с ним шутить. Очень уж они были похожи на охотников за беглыми рабами. Уверенные в себе, они лишь боковым зрением присматривали за Нэртом, но довольно внимательно изучали тот участок зарослей, в которых скрылся Билли.

– Ну что, рвань? Куда твой дружок убежал?

– Двинь ему хорошенько, эти по-хорошему не понимают.

Нэрту пришлось стерпеть сильный пинок по рёбрам но, помня наставления Билли, он не стал играть героя. Жалобно заскулив, Нэрт уткнулся лбом в траву и, сам себе удивляясь, жалобно завыл:

– А-у-о! Благородные джентльмены! Не убивайте, у меня есть деньги! Золото! Много золота! Я вам всё отдам, вы достойные джентльмены! Мне не жалко, я поделюсь с вами по-братски!

Сильная рука цепко ухватила Нэрта за волосы, и от рывка вверх он поперхнулся и замолк, продолжая жалостливо подвывать.

– Вот! Уже дело говоришь свинья. Так куда твой дружок побежал?

– За золотом, но ему не унести всё, там вот такой бочонок, – Нэрт руками показал размеры бочонка.

– Смотри-ка, как нам везёт сегодня? – Сухощавый и жилистый охотник ловко крутанул в руке мушкет, тот несколько раз провернувшись вокруг кисти, улёгся ложом на плече своего хозяина.

– Да уж, негра пришлось пристрелить, а вот с этими двумя мы сегодня повеселимся на славу.

Нэрт изображая запуганного на смерть воришку, повёл всю эту компанию к месту тайника. Однако это были тёртые в делах головорезы, и когда до тайника оставалось не больше двадцати шагов, они словно по команде взяли мушкеты на изготовку и, словно хищные звери, не производя никакого шума, рассыпались в цепочку. Нэрта толкнули вперёд, знаком показав, чтобы он подошёл к тайнику первым. Нэрт пытался сообразить, как помочь Билли. Он понимал, что тот справится сам, но не хотелось оставаться битой собачонкой в этой истории.

Подойдя к тайнику, он поискал глазами Тихоню, но того нигде не было видно. Однако тайник, чернел в зелёной траве распахнутой норой, отброшенные доски валялись рядом.

Охотники за головами, заметив распахнутый лаз, наострили носы, словно гончие. Их глаза сверкали азартом, стволы мушкетов плавными дугами выскивали среди кустов сбежавшего Тихоню.

Нэрт присел возле тайника, заглядывая в него, и кувырком нырнул в лаз, стараясь докатиться до вязанки с оружием. Только в последний момент он сообразил, что пистолеты и мушкеты они оставили не заряженными. Но, кроме них, в вязанке была и шпага.

Нашупав эфес, Нэрт потянул её из ножен, прислушиваясь к крикам на поверхности.

Однако возгласы быстро прекратилась и, заслонив свет, в лаз заглянул Билли:

– Порядок, Нэрт. Можно выходить, теперь уже здесь точно никого, кроме нас, нет.

Затащив тела убитых в тайник, Билли закрыл лаз досками и снова старательно замаскировал всё дёрном. Нагрузившись оружием, моряки двинулись искать новое место для стоянки. Ночевать неподалёку от мертвецов не хотелось ни Нэрту, ни Тихоне. Пройдя две мили вдоль берега, Нэрт приметил уютное местечко и, указав на него Билли, заявил:

– Вот удобная стоянка, и что ты мне сейчас не скажешь, я бросаю якорь здесь. Весь залив как на ладони, от ветра укрыты, веток полно для костра, да и шлюпка здесь спокойно причалит, нет такого наката, как в том месте. Билли критически осмотрелся, но не возразил, лишь пошёл собирать дрова.

По договорённости, «Приватир» должен был зайти в залив только ночью, с вывешенными на бушприте сигнальными фонарями, подвешенными на верёвке один под другим. В ответ, Нэрт должен развести костёр, давая понять, где ждёт шлюпку. Дежурили по очереди. На третьи сутки, Нэрт наконец, разглядел в море силуэт корабля. Разбудив Билли, он помчался на берег, пытаясь угадать, точно ли это его галеон или просто случайно сюда завернул какой-либо пиратский корабль. Погода была ветреная, звёзд было мало, а луну то и дело закрывало набегавшими облаками. Три огонька, появившиеся под бушпритом, заставили сердце Нэрта плясать джигу, он обернулся в сторону, где возле кучи заготовленных веток сидел Билли, и помахал ему руками, зная, что даже ночью тот всё видит. На заросшем низким кустарником склоне блеснули первые языки пламени, и через минуту сухие ветви затрещали, словно порох, выбрасывая в ночное небо вихри красных искр.

Как и ожидал Нэрт, первым, кто выскочил со шлюпки на берег, был Джолли Дик. Словно заботливая мамаша, нашедшая потерявшихся детишек, гигант лапал и тискал то Нэрта, то Билли, похлопывая по спине, плечам, выпрашивая, как всё прошло и, наконец, убедившись, что его капитан и друг детства в порядке, подхватил с песка вязанку мушкетов и побежал к шлюпке.

В капитанской каюте всех ожидал, уставленный выпивкой и закусками стол. Дон Педро не скрывал интереса к дальнейшим планам:

– Что узнал, Нэрт? Куда держим курс? Чем займёмся?

– Всё, Дон. Идём на Ямайку, там делаем добор команды, немного потренируемся в море, постреляем, чтобы люди пообтёрлись. А потом нас ждут серьёзные дела.

Нэрт подробно поведал о своих новых знакомых и испанском капитане Гарсиа, с которым возможно придётся пересечься на галсах.

Карибское море

Утром, обойдя галеон, Нэрт занял своё место на мостике. «Приватир», взяв курс на Ямайку, шёл в крутой бакштаг на всех парусах, обходя остова Невис и Ст. Китс с юга.

По пути следования Нэрт не исключал возможной встречи с испанцами или не особо разборчивыми пиратами. Поэтому, переговорив с Диксоном, вызвал на мостик корабельного плотника. Нэрта беспокоило то, что он не может пока на равных тягаться с вражескими кораблями в артиллерийском бою, не хватало канониров и оружейной obsługi. Поэтому в случае неожиданной встречи в море пришлось бы маневрировать, держа корабль противника с наветренной стороны, чтобы иметь возможность доставать его из пушек, в то время как пушки вражеского корабля должны смотреть в воду. Только при лавировке остаётся одно уязвимое место – корма. И случайное ядро может перебить руль, поэтому Нэрт решил подстраховаться на всякий случай. Мох поднялся на мостик и, как полагается в военном флоте, поприветствовал капитана.

– Как у нас с досками, Мох?

– Имеются, капитан. Всё как положено, – плотника не часто вызывали на мостик, и он заметно волновался, стараясь припомнить, не учудил ли чего в последнее время.

– Значит, так, возьми несколько длинных досок, сбей из них длинный щит, оберни парусиной и всю её хорошенько набей на доски. Затем закрепи на одной стороне этого щита несколько концов и закрепи на кормовом балконе так, чтобы нижний конец досок касался воды. Этот щит должен выдержать хотя бы одно попадание ядра, но лучше – больше; то есть, он не должен развалиться. Когда всё сделаешь, нижний конец щита подтяните вот сюда, – Нэрт показал на кормовую надстройку с фонарями. – И подвяжите здесь. Чтобы можно было опустить его вниз, как только он нам понадобится.

Мох, поняв, что вызвали его не для разноса, а поручают ответственное дело, оживился и потрусил по трапу на шканцы.

Дик устроил на шкафуте тренировку для своей абордажной команды, и Нэрт с удовольствием наблюдал, как матросы раскачивались на канатах, пролетая над морем со шканцев на шкафут, штурмовали баковую надстройку, учились прикрывать друг друга, работая в паре, вытаскивать раненных из свалки, но особое внимание уделялось слаженности. Вся команда была разделена на пары, и Дик требовал от своих матросов строгой дисциплины. Кто-то идёт вперёд, кто-то стреляет через головы первой линии, вся эта возня напоминала игру, но наука Джолли Дика ещё у берегов Африки, давала разительные результаты: быстрый бой, и минимальные потери.

К ночи на палубе остались только вахтенные, вид кормы несколько портил подвязанный щит из досок, с виду напоминающий гротескный трап. Нэрт осмотрел работу плотника и остался доволен. Однако, просчитывая в уме различные варианты неожиданных встреч в море, капитану понадобились плавучие якоря, и Мох снова полез в трюм выбирать нужный материал для работы на завтра.

Нэрт со своими офицерами допоздна засиделся в капитанской каюте. Тихоня Билли после приключений на Антигуа был принят в число офицеров и скромно сидел за столом, не принимая участия в разговоре. На мостике он всё равно никого из моряков подменить не мог, но Нэрт уже убедился, что в некоторых вопросах Тихоня может быть не плохим советчиком. На корабле давно уже кончились ром и вино. Это вносило в жизнь моряков налёт беспокорства, однако все знали, куда идут, каждая пройденная миля приближала «Приватир» к Ямайке, где можно буквально залить трюмы ромом. Дон, упёршись локтями в лежащую на столе карту, что-то на ней рассматривал, время от времени поднимая голову и прислушиваясь, хмурился и вновь что-то высчитывал в уме. Нэрт поинтересовался:

– Что вычисляешь, Дон?

– Да так, соображаю, – штурман, не отрывая взгляда от карты, приподнял брови, – Мы ведь сейчас в самом оживлённом участке моря. Завтра уже можно будет увидеть берега Эспаньолы, а там испанские колонии, но я думаю, что мы можем здесь встретить кого угодно – французов, голландцев, – Дон задумчиво посмотрел на капитана, – мы можем остановить какой-либо корабль и посмотреть, чем здесь торгуют, вдруг пригодится на Ямайке?

– Посмотрим, хотя у нас уже на исходе провизия и совсем не осталось рома, воды тоже, только до Ямайки. Поэтому, не сворачивая, идём по курсу, если будет что по пути, определимся на месте.

В каюту заглянул Мэт:

– Капитан, посмотрите за корму, там вроде огни мелькали, может, за нами кто идёт?

Нэрт поднялся из-за стола, секунду раздумывал, выйти на мостик или на балкон, и, взяв подзорную трубу, толкнул двери балкона. Дон терпеливо ждал, что скажет Нэрт, не трогаясь с места. Минут пять капитан наблюдал за морем, наконец, вернулся к столу, задумчиво складывая трубу.

– Очень интересно. Судя по огням, это галеон, причём такой же, как у нас. Идёт в фордевинд, на Эспаньолу, пересекая пройденный нами участок.

– Может, гонится за нами, лавируя с галса на галс?

– Нет. Идёт на всех парусах. Причём его уже не видно, меня смущает однотипность с нашим галеоном, не Гарсиа случаем?

– Когда уже мы станем ходить с зажжёнными фонарями? Не уютно на палубах по ночам.

– Как наберём команду, тогда видно будет, – Нэрт снова вышел на балкон и ещё некоторое время изучал ночную мглу. Убедившись, что огни на горизонте исчезли, вернулся к столу.

– Дон, завтра определи, где мы находимся, у нас воды и продуктов в обрез, нужно выйти к Ямайке, не рыская по сторонам. И вообще, засиделись мы сегодня, давайте спать.

Дуэль

Весь следующий день пришлось то и дело подстраиваться под изменчивый ветер, буквально каждый час галеон норовил отклониться от курса. Дон Педро, закончив вычисления, вёл наблюдения за горизонтом и облаками.

– Что-то необычное? – спросил Нэрт, – погода вроде не портится.

– Нэрт, это Карибское море. Сейчас как раз наступает сезон ураганов. Судя по описаниям, ничего хорошего. Вот я и смотрю, вдруг горизонт затянет.

– Ну, тогда посмотри туда, – Нэрт указал рукой на горизонт и сам вытащил из кармана подзорную трубу.

Оба некоторое время изучали тёмную полоску на горизонте, наконец, Дон улыбнулся:

– Это Эспаньола. Вышли, как я и рассчитывал.

– Будем идти вдоль побережья?

– Да, иначе лишних миль выйдет прилично, но испанцы ведь не кишат на Эспаньоле, как муравьи? – Дон усмехнулся, – Если есть желание, можно подойти, присмотреть пустынную бухточку. Поискать воду, много нам не нужно, но хоть какой запас пополнить.

На мостик поднялся Дик, подойдя к плану, навалился на него, заглядывая вниз, на мелькающие в суматошной чехарде волны, облизывающие борта галеона. Наконец, прислушавшись к разговору капитана и штурмана, прищурившись, взгляделся в кромку горизонта, где уже не вооружённым глазом можно было различить волнистую линию земли.

– Нэрт, а что там Мох строит? – он кивком указал на шкафут.

Дон искоса взглянул на Нэрта:

– Готовишься к штормам?

– Нет, – Нэрт присмотрелся к тому, что творится на палубе, – плавучие якоря мне нужны не для штормования, а такие, которые снизят ход галеона в половину. Чтобы с противоположного борта их было не видно. Пригодится. Скажем, встретим мы корабль, выбросим за борт якоря. С борта торговца увидят, что, идя на всех парусах, мы тащимся не больше пяти узлов. Подумают, что обросли ракушками или загружены под завязку, решат, что не опасны с таким тихим ходом, а мы потом обрубим канаты и на перехват. – Нэрт улыбнулся.

С салинга раздался крик матроса:

– Эге-й! Паруса за кормой!

Дон Педро поднёс к глазам подзорную трубу и, скривившись, окликнул капитана:

– Ну, сейчас нам они явно ни к чему. Нэрт, посмотри туда, – Дон махнул трубой за корму. Далеко позади, справа по борту на горизонте белели паруса.

– Это тот самый корабль, что ты видел ночью, как пить дать, он шёл на Эспаньолу, но, видимо, уходил под ветер и заметил нас. Если уйти в фордевинд, он нас прижмёт к берегу. Потом придётся уходить в галфвинд и, может быть, даже в бейдевинд. Тогда он просто налетит на нас, но это я исходя из того, что придётся крутиться возле мысов, где ветер может сильно измениться. Нэрт, если это Гарсиа, самое время думать, что делать.

Нэрт внимательно рассматривал паруса в трубу и, наконец, обернулся к Дону и Дику, который хмуро смотрел за корму:

– Он. Если только у испанцев не весь флот состоит из таких галеонов. Галфвинд, говоришь? Нэрт подошёл к борту и принялся внимательно изучать береговую линию, не отрываясь от подзорной трубы, окликнул рулевого, – Джон, переложи руля два румба право.

– К берегу? – Дон начинал нервничать, – мы можем тащить его за собой до самой Ямайки.

– Есть два румба право, – хрипло доложил рулевой, когда выправил курс.

Нэрт не отвечал, продолжая разглядывать берег. Эспаньола уже поднималась в отдалении во всей своей красоте, вздымая гряды холмов.

– Вот и побегаем сейчас, – Нэрт убрал трубу, – что задумал, говоришь? Если всё получится, мы прищемим нос этому кабальеро и уйдём на Ямайку, оставив его кусать свои локти.

Глаза Дика заблестели, вся его натура рвалась совершать подвиг, даже если не представлялся случай сойтись с противником борт к борту, он всегда пожирал глазами вражеские корабли, с жадностью следя за всем происходящим.

Паруса за кормой потихоньку приближались, теперь уже не возникало сомнений, за «Приватиром» гнались, причём капитан, преследовавший их, проявил себя опытным флотоводцем, он выжимал из своего корабля максимальный ход.

«Приватир» приближался к Эспаньоле, уже можно было различить вытянутый островок, отделённый от Эспаньолы проливом.

– Это Исла Саона, – Дон уже держал в руках испанскую карту и, расстелив её на перилах мостика, водил пальцем по очертаниям побережья. – Здесь очень удобно поиграть с испанцем в прятки, войдём в этот пролив, а там, – штурман скривился, – если бы хоть раз там пройти, тогда можно о чём-то говорить.

– Не будем рисковать, – Нэрт тоже стал разглядывать карту, – какое там течение? Ветер? Глубина? Пройдём мимо и сразу подвернём в сторону берега, – Нэрт подставил лицо ветру.

– Может, не стоит? Дальше по берегу Санто-Доминго испанский порт. Может, отвернём и проскочим? На западной оконечности Эспаньолы французские колонии.

Подойдя к перилам мостика, Нэрт крикнул матросам, чтобы к нему позвали Мэта и Диксона. На корабле уже все заметили паруса, нагоняющие галеон, матросы то и дело посматривали за корму, обсуждая предстоящие действия.

Мэт вместе с Диксоном бегом влетели на мостик и, поглядывая за корму, встали возле своего капитана, ожидая распоряжений.

– Мэт. Всем матросам объясни, что и когда нужно делать, от слаженности зависит скорость нашего манёвра, сам следи, чтобы брасопили реи по ветру в такт с поворотом корпуса, когда будем менять галсы, нам нужна максимальная парусность. На реях люди не нужны, все шкоты подтяните, назначь дублирующих по мачтам, чтобы мои команды сразу доходили до всех матросов.

Мэт кивнул и умчался на шканцы, свистя в дудку.

– Диксон. У тебя будет только два залпа с левого борта. Книппелями по парусам, с максимального расстояния. Поэтому заряжай так, чтобы пушки выдержали. Книппеля выбирай с плоскостями, если нужны люди, возьми у Джолли Дика. Абордажа не будет. Стрелять только по команде. Корабль будет идти с креном на правый борт, так что выбирай углы для наводки. Придётся бить издали, главное – порвать ему паруса.

Нэрт показал Диксону на участок моря, на котором придётся отстреливаться:

– Видишь, там у нас мало места для манёвра, ближе к берегу подходить нельзя, поэтому оба залпа придётся делать быстро, поворот – залп и снова поворот, перезарядить ты успеешь, но главное, весь борт наводи на центр, долго метиться я не дам.

Диксон вопросительно взглянул на Дика. Тот махнул рукой:

– Забирай всех, скажи, я распорядился.

– Неплохо идут, – заметил Дон, – расстояние сокращается. Хотя, они наверняка заметили, что мы отклонились от прежнего курса, – он неотрывно следил за преследователями, одновременно не упуская ничего происходящего вокруг.

– Пусть себе замечают, взяв правее, мы увеличили ход, это они и должны были заметить, а теперь их задача – запретить нас у берега, потому и идёт он прежним курсом. Ещё полмили – и тоже довернёт, и дистанция станет сокращаться.

– Тебя что-то беспокоит? Я так понял, мы будем стрелять с наветренного борта? В таком случае испанцы не смогут нам отвечать, или я что-то упустил?

– Упустил. Если там грамотный капитан, то у него есть возможность отвечать нам, развернув реи так, чтобы уменьшить парусность при повороте. Таким образом, теряется ход, но корабль не заваливается, и он может стрелять, поэтому я и не хочу подпускать его на прямой выстрел.

Нэрт снова поднял трубу к глазам, пристально следя за всеми действиями противника.

– Вот, что я говорил? Он начинает манёвр! Тоже подтянул шкоты, и матросы на брасах стоят, неплохой капитан у них. Приятно побороться с равным противником.

Нэрт встал к перилам мостика, осмотрел палубу. Мэт стоял на шканцах, не сводя глаз с капитана.

– Мэт! Левые шкотовые углы ослабь!

Мэт свистнул в дудку, и слова команды, смешанные с замысловатыми ругательствами, понеслись по палубам. Матросам доставляло удовольствие дублировать команды боцмана, не упуская острых словечек.

Подойдя к штурвалу, Нэрт сам принялся плавно уводить корабль в сторону берега, следя за ветром и кораблём противника. Матросы на брасах под бдительным присмотром боцмана развернули реи под нужным углом, теперь «Приватир» шёл фордевинд, ловя ветер каждым дюймо́м парусов. Вода под форштевнем кипела пенными бурунами.

На испанском корабле повторили манёвр Нэрта, и теперь испанский галеон шёл почти в кильватер. Испанский капитан видел возможность упустить пиратский корабль, но надеялся, что ему достался недостаточно опытный противник. Вид пиратского галеона несколько смущал испанцев. По типу постройки, они сразу распознали, где был сделан «Приватир», и вернуть корабль испанской короне, а – в худшем случае – пустить его на дно, было делом чести.

– Что там у Диксона? – Нэрт поминутно вертел головой, глядя за корму и на береговую линию, – готовы к стрельбе?

Дик сорвался с места и рванул на опер-дек. Через минуту он выскочил обратно на мостик, и сообщил, что пушки к стрельбе готовы.

– Приготовиться к повороту! Брасы товсь!

Команда, подхваченная матросами, эхом понеслась по палубам. Нэрт завертел штурвал, ложа корабль на левый галс, матросы поворачивали реи, оставляя парусность максимальной, и галеон начал заваливаться на правый борт, оцетинившись пушками левого борта. На испанском корабле всё прекрасно поняли, и всё теперь зависело от капитана, решение нужно было принимать мгновенно. Испанский галеон шёл полным ходом под навесной огонь «Приватира» на всех парусах, не имея возможности доставать его даже с погонных пушек.

Испанский капитан должен был молить всех святых, чтобы Нэрт после залпа продолжал идти тем же курсом, дав ему время для сокращения дистанции. Тогда оба корабля смогут сойтись для артиллерийской дуэли, и испанцы получат возможность продемонстрировать мастерство своих канониров. Но Нэрт, выведя корабль на нужный курс, переложил руль и, удерживая накрененный галеон, уже кричал, – огонь!

Левый борт грохнул так, что весь галеон казалось, содрогнулся в нестерпимой судороге, выплюнув в сторону вражеских мачт свистящий рой книппелей. Весь левый борт заволокло густым дымом, который ветром сносило на палубу, Нэрт вертел штурвал, уходя снова в фордевинд. Матросы где-то в дыму разворачивали реи, налегая на брасы, Мэт перекрывая общий шум, бегал по палубам, подгоняя команду. «Приватир» послушно лёг на прежний курс, вновь вспенивая волну. Берег уже был совсем близко, артиллеристы, как черти сновали возле пушек, прибывая заряды. Когда дым снесло с палубы, на галеоне грянул дружный хор восторженных голосов. Паруса испанского корабля в разных местах, зияли прорехами, но больше всего досталось блинду и фоку, галеон испанцев несколько сбавил ход, капитан видимо старался удержать свой корабль ещё как можно дольше на курсе, сокращая расстояние прежде чем развернуться бортом. Но Нэрт не собирался играть в поддавки, «Приватир» рассекал изумрудные волны

шельфовой зоны побережья, последний раз разгоняясь до максимального хода, чтобы очередной раз лечь на правый борт и попытаться вырваться из цепких лап испанцев.

Дон настороженно посматривал за борт, наблюдая за берегом и выискивая мелководье, чтобы в случае опасности предупредить Нэрта. С орудийных палуб доложили о готовности, и Нэрт, смерив дистанцию до испанского галеона, повторил манёвр.

«Приватир» ходко лёг на левый галс, вновь заваливаясь на борт. Пушки снова громыхнули, теперь уже отдавая эхом от береговых скал, снова все вглядывались в проносящиеся клубы дыма с надеждой на серьёзные попадания. Нэрт вёл корабль в галфвинд, теперь уже невозможно было отвернуть в сторону, по правому борту лежала довольно мелкая полоска шельфа, и нужно было выбираться из этой ловушки. Но Диксон всё-таки сделал своё дело, на испанском галеоне фок-марсель бился на ветру оборванным шкотовым углом, на фоке, кливерах и блинде добавилось прорех. Теперь испанцы уже не могли достать «Приватир» из пушек, если разворачиваться именно сейчас, для залпа, нужно разворачивать реи, теряя ход; в крайнем случае, ядра долетали бы до бортов на излёте, не нанося серьёзных повреждений. Преследовать же Нэрта, также идя в галфвинд, с повреждёнными парусами – бесполезная затея. Испанский капитан, поняв, что догнать Нэрта уже не сможет, взял курс на Санто-Доминго. «Приватир», опираясь правым бортом на вздымающиеся волны, с шумом и плеском уходил в сторону моря. Канониры поднимались на палубу с гордым видом победителей, прищуриваясь, с презрением посматривали в сторону испанского галеона. Но, приняв свою долю дружеских похлопываний по плечам и спине, а также поздравлений, перемешанных с солёными шутками. Нэрт наблюдал за действиями испанцев, отмечая все перемещения на их корабле, слаженность действий и опытность команды. Выбравшись на большую воду, Нэрт взял курс на Ямайку и, передав штурвал рулевым, пошёл на шканцы поздравлять команду с победой.

Санто-Доминго

Когда паруса испанского галеона затерялись вдали, Нэрт засел в каюте над картой Эспаньолы. Замерив циркулем расстояния от острова Саона до Санто-Доминго, он задумался. Прихватив с собой карту, Нэрт вышел на мостик. Дон Педро не прекращал вертеть подзорной трубой, осматривая горизонт.

– Дон. – Нэрт подошёл к штурману и, развернул карту. – Как считаешь, мы можем успеть завернуть к Санто-Доминго и убраться оттуда, пока наш крестник чинит паруса?

Дон только взглянул на карту и, обведя глазами далёкий берег, качнул головой:

– Почему нет? Ты ведь не собираешься лезть под пушки форта? Если даже мы никого не встретим в море, то просто взглянуть на город нам только на пользу, а испанцы могут и перепутать нас со своим галеоном.

– Я тоже так думаю, – Нэрт критически осмотрел такелаж, – просто поднимем испанский флаг. А если будет возможность, подойти к какому-нибудь испанцу, поднимем «Весёлый Роджер». Ветер всё так и дует с юга, до Санто-Доминго дойдём быстро, а вот оттуда придётся идти в галфвинд вдоль берега.

Погода понемногу начинала портиться, окрепший ветер, лохматя гребешки волн, грозился притащить тропический дождь. «Приватир», взяв курс на Санто-Доминго, расталкивал в стороны крутую волну, словно драчун, пробирающийся сквозь толпу к месту драки.

Узнав о возможной встрече с каким-нибудь кораблём, Дик ушёл в офицерский кубрик, точить свои абордажные сабли. Вся его команда, получив соответствующие распоряжения, заняла часть опердека и квартердека.

Эспаньола вновь приближалась, бугрясь изгибами далёких холмов. Нэрт взобрался на верхнюю площадку баковой надстройки, заняв удобную позицию для наблюдения, и с методичностью метронома обводил подзорной трубой линию берега. На галеоне уже подняли испанские флаги, и теперь «Приватир» ничем не отличался от других испанских кораблей. Очень далеко впереди начинали просматриваться очертания испанского города, где-то там, ещё неразличимый на фоне склонов, находился форт, подходить к которому Нэрт не хотел. Но вот, наконец, в окуляре подзорной трубы мелькнули марсели какого-то корабля, спешащего в Санто-Доминго. Спешащему в порт кораблю предстояло пройти примерно столько же, как и «Приватиру», вот только он шёл в крутой бакштаг, борясь с встречным ветром и течением, галеон Нэрта, напротив, летел полным ходом на всех парусах. Когда стало видно, что это флейт под испанскими флагами, Нэрт сложил трубу и велел свистать команду к бою.

На мостике Дон Педро лукаво улыбался, рассматривая испанский флейт в трубу.

– Знакомого приметил Дон?

– Ага. Знавал я его, когда ещё очень давно занимался контрабандой в Испании. Он тогда совсем новенький был, охотился на нас, – Дон усмехнулся, – вряд ли там сейчас тот самый капитан, скорее всего, отправили этот флейт сюда на вечные времена, обратной дороги через океан он не выдержит.

– По-моему, приличный ещё корабль.

– Это он, я этот флейт узнаю из тысячи. Два года от него бегал, – Дон усмехнулся, – а давай его заберём и продадим французам? В общем-то, он очень ходкий, может быть, даже шустрее нашего «Приватира», вот только годочков ему уже прилично, да если в боях потрепали его, то нам он только как трофей сгодиться, а французы его должны с удовольствием купить.

На мостик один за другим поднялись боцман, Джолли Дик и Диксон. Нэрт ещё раз смерил взглядом расстояние до испанского корабля и дал рулевому поправку к курсу, затем, осмотрев своих офицеров, загадочно улыбнувшись, спросил:

– Ну что, друзья, – подмигнув Дику, Нэрт перешёл на деловой тон, – Джолли, по возможности берём флейт как трофей, поэтому всех, кто против нас, – за борт. Мэт, определи матросов, кто останется на флейте и поведёт его за нами, Диксон, заряжай верхнюю палубу картечью, на нижней палубе даже не суетись. Подходим как можно ближе, меняем флаг и, – Нэрт улыбнулся, – сами всё понимаете.

«Приватир» шёл на пересекающихся курсах с испанским кораблём, где-то там, на виду у всего города и форта, но в недосыгаемости фортовых пушек, курсы должны пересечься.

Нэрт намеренно рассчитал встречу в таком месте, чтобы на испанском флейте не могли заподозрить неладного. Галеон как бы идёт в порт, и флейт должен уступить путь. Скорее всего, флейт возьмёт на пару румбов левее, увеличивая ход, тогда «Приватир» пройдёт параллельным курсом в нескольких кабельтовых. Но, Нэрт не собирался проходить мимо.

Абордажники Дика засели в баковой надстройке, стрелки поднялись на марсы, Флейт начал уходить под ветер, заваливаясь на левый борт, на «Приватире» тоже переложили руля влево, и испанцы в недоумении глазели, как идущий с моря галеон под кастильскими флагами, идёт на пересечение их курса, словно собираясь таранить им борт. Но флейт успел сменить курс, и теперь набирал ход, вспенивая волны под гальюном. Испанцы что-то кричали, по всей видимости, уже сомневаясь в принадлежности галеона к Испанской короне. Если изначально их смутил тип постройки галеона, теперь уже испанцы готовились к бою, превратив палубу в оживлённый муравейник. Бушприт «Приватира» уже раскачивался вровень с грот-мачтой на флейте, сейчас уже было понятно, что флейт быстрее и может ускользнуть, уйдя от Нэрта под прикрытия форта.

На баке абордажники метились в снасти флейта из фальконетов, заряженными кошками.

Наконец, они выстрелили, гарпуны своими крючковатыми снарядами ванты фок-мачты на флейте. Матросы дружно подхватили концы линей и быстро натянули их, словно струны на лютне. Флейт начал медленно поддаваться, матросы толпой тянули концы линей, и в тот же миг с верхних палуб галеона в толпу испанцев с грохотом посыпалась картечь. Нэрт повернул штурвал, направляя галеон прямо в борт флейту, не опасаясь столкновения, так как на флейте пытались увернуться и тоже выворачивали руль. Испанцы не были готовы к такому развитию событий. Уже на виду у форта Санто-Доминго, в своей родной гавани, они подвергались нападению. Часть команды и солдат, сновавшие по палубам были перебиты картечью буквально в упор, к тому же ещё с мачт галеона вёлся непрерывный мушкетный огонь.

Когда первые абордажники, перебросив трапы, получили возможность попасть на борт флейта, им почти никто не оказал сопротивления. С марсов галеона отстреляли все заряженные мушкеты, и стрелки спускались вниз, чтобы идти второй волной на абордаж, канониры же вторично прошли из фальконетов по палубам флейта, разметаая свинцовыми шариками мечущихся испанцев.

Впопыхах, на галеоне Нэрта забыли поднять чёрный флаг, заменив им испанский, и со стороны казалось, в бой вступили два испанских корабля. Да и сами испанцы оказали довольно вялое сопротивление, понеся сразу большие потери при обстреле картечью, многие предпочитали сдаваться. Когда Нэрт перебрался на палубу флейта, бой уже закончился. Дик настороженно расхаживал по юту, оглядывая палубу. Испанцы, сбившись в кучу возле грот-мачты, понуро разглядывали своих победителей. Среди пленных оказался и капитан, он с надеждой смотрел на форт, на гавань, ожидая помощи, но в форте просто терялись в догадках. В море, сцепившись крючьями, стояли два корабля под испанскими флагами и, что там происходит, было не понятно.

Дон Педро с любопытством перебежал по трапу, осматривая рангоут захваченного корабля, и, высмотрев в толпе пленного богато одетого капитана, подскочил к нему с расспросами.

Дон оказался прав, капитан был ему не знаком, и командовал этим флейтом всего полтора года. Тем временем Нэрт распорядился отпустить пленных, предоставив им те шлюпки, что были на флейте, и поторопил боцмана:

– Мэт! Ничего не надо выносить, всё потом! Осмотрите трюмы на случай, если кто прячется, запирайте пороховой склад и всё! Ставь матросов, Дон поведёт корабль.

Подойдя к Дону и пленному капитану, он поинтересовался, откуда шёл флейт и что вёз.

– Они ходили на Кубу, принимали участие в рейде против пиратов и заодно оставили в Гаване солдат, поэтому они и не особо сопротивлялись. На корабле много раненных, вот они и сдались. В трюмах пусто, остатки припасов, воды, порох и прочее.

– Ладно, отправляй их всех в шлюпки и принимай команду, пойдёшь в кильватере, на всякий случай не будем менять флаги, вдруг попадётся ещё кто.

Испанцы загрузились в шлюпки и осторожно погребли к берегу, опасаясь зачерпнуть бортами воду. Расцепленные корабли начали расходиться. Идти в сторону французских колоний пришлось при сильном боковом ветре. Поэтому более лёгкий и шустрый флейт, сначала вырвался вперёд, тогда на нём убрали часть парусов, чтобы дать возможность галеону занять место флагмана в строю. Тут-то и появились далеко позади паруса испанского галеона, который не так давно остался латать паруса. Но он был ещё далеко, и если и видел впереди паруса возле Санто-Доминго, то не придал этому особого значения, потихоньку лавируя вдоль берега.

Когда оба корабля в кильватерном строю пошли на запад, на бастионах форта появилось белое облачко дыма, и несколько позже еле слышно донёсся звук выстрела.

Уже ночью, идя с зажжёнными фонарями, сигнальщики заметили идущий навстречу корабль. Нэрт, как ни смотрел, не смог определить принадлежность корабля и решил прибегнуть к международным правилам досмотра: холостой выстрел из погонной пушки, сигналы фонарём. Встречный корабль послушно лёг в дрейф. Подойдя ближе, Нэрт понял почему. Ещё один испанский флейт, по всей видимости, капитан на нём сразу определил во встречных кораблях своих, поэтому послушно выполнил команду «лечь в дрейф».

Как на зло, Дон был на захваченном корабле, и провернуть аферу с переговорами не было возможности. Нэрт велел убрать часть парусов, чтобы, не торопясь, мирно подойти к испанскому кораблю борт к борту. На этот раз Дик возглавил уже всю команду, людей у Нэрта становилось всё меньше с каждым боем, да ещё на захваченном флейте находилось с десятков матросов. С борта встречного корабля уже что-то кричали, Нэрт плохо понимал испанский, но мог разобрать некоторые слова. Видимо, испанский капитан сообщал, кто он такой и откуда возвращается. Но вместо ответа с галеона полетели абордажные крючья, и верхние орудийные палубы задышали огнём и картечью. Этот абордаж был в чём-то схож с тем ночным захватом галеона в Атлантике, матросы Нэрта быстро перебили всех на палубе и, встав у люков, не давали находящимся в трюме высунуть головы. Пришлось отправлять лодку за Доном, Нэрт не хотел устраивать резню в тёмных трюмах, сейчас каждый человек был на счету.

Дон перелез через фальшборт и, покачиваясь, направился в сторону мостика.

Нэрт догнал своего штурмана, пытаясь схватить его за лацкан рукава, но тут Дон Педро, взмахнув руками, завалился на палубу, пьяно хихикая.

– Дон! Когда уже успел набраться? Эй! – Нэрт помог штурману встать и тряс его за плечи, – да очнись ты! Дон, мне нужно чтобы ты поговорил с испанцами!

Дон Педро икнул и похлопал Нэрта по плечу:

– Так о чём разговор? Я могу хоть с папой римским поговорить, веди сюда своих испанцев, – штурман находился в невероятно весёлом состоянии.

– Испанцы сидят в трюме, их там полно, тебе нужно властно приказать им сдаться, либо мы сожжём их там, заколотив люки. Ты должен напугать их этим, я хочу этот флейт тоже забрать, а испанцев высадим в шлюпки и отправим на берег.

Дон некоторое время соображал, а потом многозначительно поднял перед собой вытянутый указательный палец и, осмотрев его, веско произнёс:

– El agua turbia – los vastos espacios para el pescador! Что сие означает? Это старинная испанская пословица, и она переводится так: мутные воды – обширные пространства для рыбака. Вот, сейчас Дон Педро пойдёт мутить воду в испанских головах, – хихикнув, штурман размашистой походкой пошагал к борту галеона. Нэрт помог ему перебраться на захваченный корабль и, подведя к люку, ведущему в трюм, ещё раз уточнил, всё ли Дон понял?

То, что последовало после, немало повеселило всю команду. Сначала Дон Педро откашлялся и, поправив шляпу, возвестил испанским кабальеро о том, что с ними будет говорить безжалостный пират, поклявшийся лично убить тысячу испанцев и уже отправивший на тот свет не меньше сотни. В ответ на это, из люка прогремело несколько выстрелов. Дон Педро снял шляпу и, изобразив замысловатый поклон с помахиванием оной, трижды, глумливо улыбаясь, смачно плюнул в люк, перед каждым плевком сосредоточенно накапливая слюну. Затем испанцы услышали такую многословную отповедь в свой адрес, где Дон склонял их и их предков во многих коленах, низводя нить эволюции сидящих в трюме до бестолковых мулов, что на время притихли, вслушиваясь в эту вдохновенную речь. Дон расхаживал вокруг люка и поносил всех известных ему кабальеро, упоминал какие-то испанские фамилии, титулы, обильно снабжая их невероятными эпитетами, сначала из трюма доносились редкие, сухие смешки, кто-то пытался отвечать Дону, но он, только распаляясь, заводился всё искромётнее, добавляя к словам ещё и жесты. Наконец, в трюме просто беззлобно хохотали каждому лихому завороту эпитетов. Закончив своё выступление, Дон Педро словно актёр, раскланялся перед всеми и спросил испанцев, хотят ли они в шлюпках, самостоятельно добраться до берега, или сгореть в трюме?

Минут пять испанцы совещались. Наконец, один из них, приблизившись к люку, передал, что испанцы готовы покинуть корабль.

Когда шлюпки с испанцами отвалили от борта и затерялись в ночи, Нэрт обнаружил, что пропал Дон Педро. Однако его нашли быстро, в капитанской каюте, возле винного шкафа, где он дегустировал напитки испанского капитана.

Утром три корабля в кильватерном строю подходили к мысу Дам-Мари. На новом флейте уже было чем поживиться, капитан вёз с собой небольшой груз табака и индиго. Этот корабль тоже принимал участие в экспедиции, проводимой испанцами возле Кубы, но чтобы не возвращаться пустым, капитан взялся подработать перевозчиком у торговцев.

Обогнув мыс, корабли вошли в залив Гонаиф и взяли курс на остров Гонав, там Нэрт собрался основательно потрусить трюмы захваченных флейтов. На место добрались уже затемно, при лунном свете, аккуратно встали на якоря недалеко от острова. С рассветом Нэрт по очереди обошёл на галеоне оба флейта, перебрасывая через фальшборт трапы. И матросы, после того как Нэрт заканчивал осмотр трюмов, начинали перетаскивать на галеон отобранные предметы. В первую очередь это касалось воды, провианта и вина, далее, на усмотрение Диксона, отбирался порох и боеприпасы. Дик осматривал и выбирал оружие и одежду, боцман с Мохом хлопотали по хозяйству, пополняя запасы парусины, досок и канатов. На обоих кораблях были обнаружены приемлемые запасы монет испанской чеканки: золотые эскудо и рейсы, несколько золотых слитков, по всей видимости, личные сбережения капитанов и корабельная казна. Причём в казне всё больше находилось серебро, талеры и экю, фунты, соверены. Монеты, имеющие хождение по всей Европе, звякали в такт качке Карибского моря в капитанских сундуках. Груз табака и индиго Нэрт распорядился перенести на галеон. По всей видимости, испанский капитан доставлял разовый заказ торговца, поэтому груза было не много. Пока потрошили трюмы захваченных галеонов, маленькая эскадра Нэрта была замечена французами. Уже к полудню, со стороны небольшого поселения Порт-о-Пренс появилось небольшое

одномачтовое судёнышко, покругившись в отдалении, оно ушло обратно. Нэрт на это рассчитывал. Но хотел сам нанести визит французам, не дожидаясь, когда они соберутся с силами и желанием. Поэтому, как только всё ценное и необходимое было перегружено на «Приватир», корабли снялись с якорей и взяли курс на Порт-о-Пренс.

Не подходя близко к берегу, эскадра Нэрта бросила якоря, демонстративно выстроившись походным строем. Нэрт решил ждать реакции местных властей. Все прекрасно знали, что король Людовик потворствует флибустьерам, предпочитая опираться на поддержку берегового братства в противостоянии с Испанией и Англией. Поэтому Нэрт ждал, когда к нему явятся парламентёры.

Не прошло и часа, как со стороны порта к кораблям Нэрта направился люгер. На флейтах никаких флагов не поднимали, только на «Приватире» на клотике фок-мачты вился длинный, чёрный вымпел, да на гафеле лениво развевался большой чёрный флаг, со скрещенными якорями и оскаленным черепом.

Нэрт распорядился спустить трап и, стоя на шканцах, наблюдал за французами.

На борт «Приватира» поднялся, какой-то местный чиновник. Гостей интересовало, с какой целью в их водах появились три боевых корабля.

Узнав, что Нэрт хочет продать два взятых у испанцев флейта, а заодно пополнить припасы, французы оживились. Нэрт уточнил, может ли он встретиться с губернатором и можно ли его команде сойти на берег, на время стоянки, так как люди соскучились по твёрдой земле, а местные магазины и таверна не останутся без прибыли. Француз пообещал передать губернатору слова Нэрта и, попрощавшись, отбыл на свой корабль.

Через пару часов к кораблям Нэрта подошёл одномачтовый лоцманский шлюп. Поднявшийся на палубу лоцман, сообщил, что господин Бертран Де`Ожерон, губернатор французских колоний Эспаньолы и Тортуги, готов принять Нэрта в своей резиденции. Лоцман показал Нэрту, где поставить корабли и, оставшись на борту галеона, следил за постановкой кораблей на рейде.

Как только французская Вест-Индская компания, выкупила права на владение Тортугой, и бывший буканьер и колониальный торговец Бертран Де`Ожерон был назначен губернатором Колоний Сен-Доменге и Тортуги, началась более-менее основательная колонизация Эспаньолы. По прибытии на неё, Ожерон заложил табачную плантацию в местечке Порт-Марго, а затем попытался основательно заселить Тортугу. Однако превратить маленький остров в плантаторский рай у него не получилось. Тортуга как была, так и осталась прибежищем пиратов и авантюристов. Тогда Ожерон заключил с пиратами договор, и принялся выдавать всем желающим каперские свидетельства. За 1/10 добычи пираты с удовольствием становились корсарам французского короля, получая право входить в любой французский порт для пополнения припасов, ремонта и продажи добычи. Порт-о-Пренс представлял собой большой посёлок, с причалами для маломерных судов, деревянными домиками плантаторов и торговцев.

Ближе к берегу стояли склады Вест-Индской компании, конторы и магазины, а дальше – узкие улочки, веером разбегались в разные стороны, огибая нехитрые постройки плантаторов, хибары и бараки служащих. Однако губернаторская резиденция всем своим видом уже давала понять заезжему гостю, где здесь находится власть.

В Порт-о-Пренсе Нэрт пробыл два дня, флейты были оценены. Французы как могли, сбивали цену, но всё же купили оба корабля. Нэрт раздал своим матросам и офицерам все деньги из своих запасов, чтобы его команда могла произвести должное впечатление на местных жителей, и о них сложилось впечатление, как об удачливых флибустьерах. Местные торговцы радостно вываливали залежавшиеся товары перед моряками, а таверна гудела от народа.

В трюмах галеона крепили бочонки с вином и ромом, закладывали ящики с провиантом, в стойлах кубрика блеяли с десятков овец. Чтобы произвести впечатление на губернатора, Нэрт продал оба флейта недорого, а за припасы расплачивался серебряными слитками. Де Ожерон остался доволен новым знакомством. В частной беседе между Нэртом и губернатором был заключён негласный договор, согласно которому Нэрт может заходить на Эспаньолу и Тортугу для пополнения припасов, ремонта, использовать прибрежные воды для своих нужд. В положении Нэрта такой союз был необходим. Испанцы и так являются в этих морях достаточно сильными врагами, остался неурегулированным вопрос с английским флотом. Нэрт не спешил пополнять список врагов. Впереди ещё путь на Ямайку, английскую колонию, центр и негласную столицу местного пиратства, переместившегося с Тортуги в Порт-Ройал.

К Нэрту подходили на улицах, по поводу найма в команду, однако он взял только пять человек, достаточно опытных в обращении с пушками. Диксон принял пополнение.

На второй день команда в полном составе собралась на галеоне. Нэрт дал всем ночь на то, чтобы проспаться и отрезветь, и утром третьего дня снялся с якоря. Выйдя из гавани, «Приватир» отсалютовал импровизированному на берегу из пушек и, подняв паруса, взял курс на Ямайку.

Погода моряков не баловала. Порывистый ветер норовил прижать корабль к берегу, волны перекатывались за бортом, словно хищные звери, норовя заглянуть через высокий фальшборт на палубу, нет-нет, да и захлёстывая пеной руслень вантов. Галеон словно могучий кит таранил вздымающиеся перед форштевнем волны, распарывая их ватер-штагами. На зарифленных парусах «Приватир» прошёл от острова Гонав до мыса Дам-Мари.

К ночи, оставив за кормой островок Навасса, затерянный в одиночестве между Эспаньолой и Ямайкой, галеон попал в шторм. Море свирепствовало за бортом, с рёвом и глухим шумом перекатываясь через палубу, корабль грузно переваливался с одного борта на другой в кипящей пеной воде. Напористый ветер выл в такелаже, словно голодный волк, созывающий стаю на охоту, дождь с неба длинными струями вонзался в бурлящее пеной море, объединяя небесные и морские стихии. Усиленная вахта матросов, обвязавшись канатами, сражалась за живучесть галеона. Волны норовили смыть этих слабых людишек с палубы, но каждый раз после схлынувшей за борт воды возле мачт, вантов и фальшборта поднимались сбитые с ног люди и, вцепившись руками в снасти, стиснув зубы, с вызовом смотрели за борт. Туда, где всклокоченное от бешенства пенное море ревело и билось в борта, требуя людскую жертву. Нэрт, оставив на мостике Дика и боцмана, спустился в трюм. На опер-деке, в кубрике людей болтало не меньше, чем на палубе. На помпах, сменяя друг друга, мокрые от пота матросы откачивали воду, плотник возился где-то внизу, среди балласта, осматривая борта, прикладываясь ухом к пиллерсам.

Пушечные порты, не смотря на уплотнения, раз за разом пропускали слабые потоки забортной воды, которая разбегалась по орудийным палубам, стекая в люки, жадные помпы, захлёбываясь и скрипя, откачивали её из «водного трюма». Критически осмотрев всё хозяйство, от закреплённых пушек до штабелей бочонков, Нэрт пробрался в свою каюту. Прихватив с собой бутылку рома, вышел на палубу. На мостике вахта буквально плевалась солёной слюной, и ром был принят как долгожданный гость, согревая нутро и укрепляя силы моряков.

Всю ночь галеон трепало ветром, норовя развернуть бортом к волне. Матросы шатались от усталости, у всех, кто работал на верхней палубе, лица, казалось, навечно свело суровыми гримасами. Рулевые выбивались из сил, налегая на дёргающийся штурвал, удерживая корабль на курсе. К утру погода совсем скурвилась, к косому ливню добавились грозовые раскаты, и к ужасу моряков чёрное небо принялось извергать на бушующую морскую стихию каскады ветвистых молний.

Нэрт уже мог только догадываться, куда занесло галеон, успокаивало только то, что на добрую сотню миль не было никакой земли, а значит, перспектива налететь на риф или отмель не грозила. Утром Дон Педро сменил Дика на мостике. Злой оттого, что не имеется никакой возможности уточнить местоположение галеона, он стоял возле гакаборта, вцепившись в резной планшир, вглядываясь в пенные валы за кормой.

Галеон болтало ещё полдня, затем ветер пошёл на убыль, шторм уходил куда-то дальше, оставляя в покое упрямый корабль. Небо всё ещё было затянуто, и Нэрт взял курс на северо-запад.

Мэт устало поднялся на мостик:

– Этот шторм нас основательно укатал, команда валится с ног, но галеон показал себя крепким малым, всё на месте, я боялся, что сорвёт шлюпки.

Нэрт похлопал своего боцмана по плечу:

– Всей команде выдай рому по своему усмотрению, оставь самых стойких на палубе управляться с парусами, всем остальным – отдыхать.

Дон Педро некоторое время топтался на мостике, не находя себе место и наконец, спустившись на палубу, полез на грот-мачту, взобравшись на марсовую площадку, засел там, словно журавль в гнезде, осматривая далёкий горизонт.

К концу дня ветер стих до четырёх баллов, на «Приватире» подняли все паруса, и среди бескрайних просторов вздымающейся воды он шёл, слегка пригнувшись по ветру, словно немой вызов человечества морской стихии.

Вскоре Дон Педро покинул свой наблюдательный пост, спускаясь по вантам, он поминутно вертел головой, всматриваясь куда-то. Нэрт на всякий случай тоже повёл подзорной трубой по горизонту, но ничего подозрительного не заметил. Однако штурман поднимался на мостик с таким видом, словно открыл новый материк. Он ещё раз осмотрелся с мостика и протянул руку, указывая направление:

– Там. Видно только с марса, кажется, тонет корабль. Видимо, тоже потрепало штормом, но мы можем успеть к нему, он ещё только заваливается на борт, возможно, разболтало балласт или груз. Сами они вряд ли справятся, корабль или потонет, или сохранит плавучесть, но самостоятельно двигаться не сможет.

– Где именно? – Нэрт вгляделся в горизонт, в указанном направлении, – нам придётся идти в бейдевинд, меняя галсы, а команда вымоталась. А если тебе показалось?

– Нет, не показалось, – Дон насупился, – кораблик маленький, по-видимому, шлюп, если только ему не снесло вторую мачту.

Нэрт с минуту раздумывал, глядя на палубу. Команда была измочалена борьбой со стихией, но такова жизнь на море, он сам уже не мог припомнить, когда спал.

– Поднимай команду. Меняем курс, идём на сближение.

Дон улыбнулся:

– Вот увидишь, Нэрт, там будет что-то полезное, не просто так ведь меня понесло на этот марс, словно зудело что-то в душе.

Почти два часа потребовалось галеону, чтобы, меняя галсы в оверштаг, приблизиться к терпящему бедствие кораблю. Теперь уже видно было, что это одномачтовый гафельный шлюп, завалившийся на правый борт, уже прилично хлебнувший воды. Вода, видимо, продолжала поступать в трюм, и помпы здесь уже были бесполезны. Команда на шлюпе с тревогой поглядывала на приближающийся галеон, гадая, что их ждёт от этой встречи.

Нэрт нарочито спустил чёрный флаг перед тем, как пойти на сближение с тонушим кораблём, чтобы раньше времени не выдавать принадлежность галеона. Теперь же, имея возможность рассматривать терпящих бедствие в подзорную трубу, он с каждой минутой убеждался, что выручать будет своих земляков. И что самое любопытное – самых настоящих пиратов.

Флаг свой они естественно убрали, но вся пёстрая команда морских бродяг ни как не могла быть обществом праведных моряков.

Нэрт любил эффекты, поэтому на расстоянии кабельтова «Приватир» развернулся левым бортом к тонущему шлюпу и убрал паруса. Терпящие бедствия со страхом посматривали на пушечные порты галеона, ожидая момента, когда они распахнутся для последней панихиды, и бортовой залп разнесёт их тонущее пристанище в щепы. Но на гафеле галеона, неспешно и по-хозяйски, был поднят чёрный флаг с якорями и черепом, а с мостика Нэрт помахал шляпой, выражая дружеские намерения. На шлюпе напряжённая тишина взорвалась радостными воплями.

Спасательная операция прошла быстро. Нэрт, стоя на шканцах, наблюдал за тем, как через фальшборт его галеона один за другим переваливаются измученные моряки. Один из них, осмотревшись, направился к Нэрту. Под мышкой он придерживал туго стянутый свёрток, в котором, по всей видимости, уместились все судовые документы, карты, навигационные приборы и прочий капитанский скарб.

– Джон Энселл, капитан этого шлюпа, – он с сожалением посмотрел на свой корабль, который уже наполовину погрузился в море.

Нэрт назвал своё имя, а так же представил своих офицеров.

– Что у вас в трюме?

– Полный трюм добра, – Энселл замялся, с сожалением глядя на свой тонущий шлюп, скривился от досады, – причём, мне больше всего жаль корабль, этого кофе и паприки я могу добыть сколько угодно, а вот купить теперь такой шлюп не получится. Да ещё я должен Блэкберну часть этой добычи, теперь придётся выкручиваться, чтобы не загреметь на плантации.

– Давно здесь промышляете? – Нэрт понял, что судьба свела его с одним из пиратов Ямайки, а так как он собирался там набирать команду, ему было всё интересно. Как живут, с чем сталкиваются местные флибустьеры в повседневной жизни.

– Да уже пятый год. Хороший шлюп был у меня, лёгкий, разворотливый. И осадка небольшая. А вы откуда? Смотрю, галеон-то испанский, мы уж подумали, хана нам пришла. Или перевешают, или просто потопят.

– Из Плимута, дошли до Антигуа, теперь в Порт-Роял идём. А галеон у испанцев взяли, – Нэрт, улыбнувшись, взглянул в глаза капитану Энселлу, – не сильно обеднеете, если я немного потесню ваше общество в этих морях?

– Главное, не влезайте в долги, капитан, и не берите на себя невыполнимых обязательств, а в остальном ловите ветер себе в удовольствие, никто вам слова не скажет. В Порт-Рояле, может быть, совместно какие дела провернуть придётся. Здесь у нас вольное братство, однако, есть и довольно удачливые капитаны, эти-то сколачивают эскадры и ходят к испанским городам. Мансфельд вот, набирает себе товарищей, планирует какой-то рейд, вице-адмиралом зовёт к себе Моргана, я бы тоже ходил, но у меня дела не совсем гладко пошли. Команда вдвое сократилась, долги. Что в море подхватывали, тем и жили, а сейчас прямо не знаю что делать. В Порт-Рояле мне появляться нельзя, нужно добывать новый корабль, да с хорошей добычей, тогда можно и заглянуть, рассчитаться с долгами.

– А губернатор в Порт-Рояле как к вам относиться?

– Хо-хо! Губернатор Ямайки, Сэр Томас Мэдифорд, он как появился в Порт-Рояле, только делает вид, что собирается покончить с пиратством. На самом деле он трётся бортами с Генри Морганом и Эдвардом Мэнсфилдом из Кюрасао, так что здесь наш король имеет только видимость власти.

– Тогда у меня к вам будет деловое предложение, – Нэрт оценивающе посмотрел в глаза Энселлу.

– Да?

– Ваших людей распределим пока – кого к матросам, кого к абордажникам или канонирам, – как только захватим корабль, который вам приглянется, со своей командой берёте его себе, добычу пополам. В Порт-Рояле пересидите у меня на борту, раз уж вам не хочется там появляться, заодно просветите меня на счёт местной жизни.

Энселл удивлённо приподнял брови:

– Я не ожидал такого участия в моей судьбе, но, если всё будет так, как вы сказали, можете считать меня своим должником, а я умею помнить о долгах.

– Отлично, – Нэрт позвал боцмана, – Мэт, всех распредели с Диксоном, кого куда, на вахту опять ставь тех, кто более-менее на ногах держится, остальным отдыхать, да ещё коку пинка дай, я со вчерашнего дня не видел ничего съестного, матросы тоже. Или его волной смыло вместе с кастрюлями?

Не дожидаясь того момента, когда подтопленный шлюп пойдёт ко дну, Нэрт распорядился ставить паруса и взять курс на Ямайку. Дик занял место на мостике, а в каюте капитана наконец-то накрыли стол, и уставшие моряки сели ужинать. Джон Энселл рассказывал о навигации и особенностях местных побережий. Дон мигом нашёл с ним общий язык, и Нэрту оставалось лишь слушать, изредка задавая интересующие его вопросы.

Ямайка

Весь следующий день на «Приватире» наводился лоск. Нэрт привык к порядку на корабле и строго следил за тем, чтобы всё было на месте, медные части сверкали, пушки под чехлами были сухими и готовыми в любой момент к зарядке. Энселл временно занял место командира второй абордажной команды, более малочисленной, чем у Дика, но в неё вошли те его матросы, кому не нашлось применения на орудийных палубах.

Ямайка показалась уже во второй половине дня. Все с вожделием разглядывали этот приближающийся рай для пиратов. Остров раскинулся во всю длину перед галеоном, вырастая горными пиками и маня буйной зеленью.

Порт-Роял находился на песчаной косе Палисадос, длиной в десять и шириной в одну милю. Несколько десятков лет назад, когда англичане отбили Ямайку у Испании, на краю этой косы был поставлен форт, вокруг которого и вырос город Порт Роял.

Сама песчаная коса защищена от вторжения с берега мангровыми зарослями, через которые пришлось бы прорубаться несколько дней. Внутри этого естественного волнореза, в укромной длинной бухте бросали якоря все известные и неизвестные пираты Карибского моря. Город богател и процветал, склады в порту ломились от свежённного со всех концов добра, ожидающего отправки в Англию.

Южные равнины Ямайки занимали сахарные плантации, а в глубине острова располагались обширные пастбища для скота. Знаменитый ямайский ром здесь производился в громадных количествах, и в Порт-Рояле буквально в каждом здании имелось своё частное питейное заведение, налог на прибыль которого, получал губернатор Ямайки Томас Мэдифорд.

Всё это поведал Нэрту капитан Энселл, пока «Приватир» подходил к Порт-Роялу. Но уже в миле от форта, Джон старался встать так, чтобы возможные наблюдатели с берега не узнали его.

Галеон обходил край косы. На траверзе правого борта настороженно прикрылся каменными плитами Проходной Форт, чуть дальше вдоль берега, в его глубине, виднелись низкие крыши каких-то складов или сараев. Вдруг береговая линия косы круто изгибалась внутрь, образуя неестественную бухточку. С достаточно широким проходом, но имеющую относительно ровный диаметр.

– Это Шоколадная Дыра, там место только для маломерных люггеров, – пояснял Энселл. Вон там, дальше, видите? Это Черепаший Пляж, на мыске Северные доки и форт Джеймса. За ним можно выбрать удобную стоянку, но, если нет желания светиться перед окнами губернаторской резиденции, я посоветовал бы встать за фортом Карлайл, либо, не доходя до губернаторского особняка, вон там, напротив Суда Адмиралтейства, из губернаторского дома этот участок не просматривается.

– Да. Невероятно шутит природа, такую косу намыло, что город с фортами уместился! – Нэрт удивлялся и вертел головой.

По правому борту, мимо галеона продвигался Черепаший Пляж. Слева островная часть Ямайки, купала известняковые пляжи в лазури моря и уходила в глубь острова шевелящимся морем пальмовых листьев, куда-то в даль и ввысь, где очень далеко, виднелись голубоватые пики высоченных гор, казалось, касающихся неба. На внутреннем рейде громоздились все известные за последние двести лет типы кораблей. Для полного набора не хватало только громоздкой каракки. Зато маломерного флота здесь было предостаточно. По-хозяйски, на самых лучших в бухте местах, стояли на якорях галеоны и флейты, чуть ближе к краю косы фрегаты.

Нэрт решил бросить якоря напротив губернаторской резиденции. Час ушёл на лавировку в бухте и выбор места для стоянки. Наконец, якорь с плеском ухнул в ласковые волны Порт-Рояля, и на галеоне начался маленький аврал. Укладывались и подвязывались паруса, из трю-

мов вытаскивались пустые бочонки и ящики. Мох занялся пересмотром канатов и прочих такелажных запасов.

Пиратские корабли сразу бросались в глаза. На них свободно развивались флаги разных раскрасок; красные, зелёные с синим, чёрные, с черепами и скелетами, с нарисованными пиратами и саблями. Каждый капитан пиратской братии имел свой собственный флаг, которым он наводил ужас на торговые корабли.

Новым галеоном явно интересовались. На пристанях собирались местные жители, моряки, все глазели на новый флаг, гадали, кто бы это мог быть.

Оставив вместо себя Дика, Нэрт вместе с Доном Педро спустились в шлюпку и с очередной партией моряков высадились на прославленную своими грехами землю Порт-Рояла.

На берегу толпилось множество пиратов и прочего люда, все с любопытством осматривали простенькую одежду Нэрта и его штурмана, по всей видимости, имя Нэрта уже стало известно от первой партии матросов. Не обращая внимания на оценивающие взгляды, Нэрт пробрался сквозь толпу и, перейдя грязную улочку, направился к губернаторскому особняку.

Губернатор Ямайки, Сэр Томас Мэдифорд, принял Нэрта у себя в кабинете. Нэрт представил своего штурмана и представился сам. Губернатор искоса посмотрел на Нэрта, словно прицениваясь, затем подошёл к изящному шкафчику и, минуту покопавшись в бумагах, вынул королевскую депешу:

– Итак. Капитан Нэрт, – губернатор сел за свой рабочий стол, встряхнув депешу, и изящно бросил её перед собой, – в общем-то, ничего странного в том, что ещё один офицер Его величества решил примкнуть к пиратской братии, нет. Однако, именно на вас поступил циркуляр, в котором мне предписывается заняться вашей поимкой и арестом. – Мэдифорд вопросительно взглянул на Нэрта, ожидая его реакции, но тот невозмутимо стоял перед губернатором, словно разговор никак не касается его персоны.

– Зачем вы ко мне пришли? – губернатор откинулся на спинку стула и сделал вид, что внимательно рассматривает камень на перстне, – и скажите же, наконец, кому вы там наступили на ногу, что о вашей персоне оповещают колониальные власти?

– Видимо, наступил, во всяком случае, в Адмиралтействе имеются личности, чей авторитет я неоднократно подвергал сомнению. А по поводу моего визита, я хочу иметь в Порт-Рояле надёжную базу для моего галеона, – Нэрт пододвинул к столу один из стульев, стоящих возле стены, и присел. Дон Педро тут же повторил действия своего капитана, с любопытством поглядывая на губернатора.

– Ну, а я здесь причём? – губернатор казалось начал раздражаться. – Вон сколько на рейде ваших кораблей, у всех здесь база. Я поначалу прижимал пиратство, так все отсюда ушли на Тортугу. Порт-Роял превратился в беззубого аллигатора, так что мне пришлось снова заключать союз с пиратами. – Мэдифорд вздохнул. – Что вам от меня нужно?

– Хоть между Англией и Испанией и заключён мир, однако, в море этот факт не учитывается, а вы не в силах приказать пиратам рейдовать там, где нет выгоды. Вам не приходилось слышать о капитане Гарсиа?

– Гарсиа? – губернатор задумчиво посмотрел на большую карту Антильских островов, висевшую на стене кабинета, – Дон Гарсиа Тирри-и-Ласи, испанский кабальеро, дерзкий и смелый капитан.

– Я встречался с ним в море и согласен с вами. Мне хотелось бы заручиться вашей поддержкой, чтобы иметь возможность свободно заходить в порт для ремонта и пополнения запасов. Нужно ведь куда-то приводить призы и тратить добычу.

– Ого! Bravo, – губернатор со снисходительной улыбкой поаплодировал, – не успели появиться, как уже размечтались о призах и добыче. Здесь полно, таких как вы, да не всем везёт. В одиночку вам только что транспортные корабли перехватывать, да вот беда, – Мэди-

форд улыбнулся, – все они под охраной военных кораблей, так что с призами вы явно поторопились.

– Вы меня недооцениваете, – Нэрт задумчиво разглядывал губернатора, – вам нужны призы? Я на этой неделе сдал два флейта в Порт-о-Пренсе, потому что мне некуда их было деть. А сеньор кабальеро – как там его, Дон Гарсиа? – латал паруса после встречи со мной, и я надеюсь или забрать его галеон в качестве приза, или пустить его на дно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.